

Народные сказки и русский характер

Значение сказки при изучении русского характера

Отличительные особенности русского характера и образа жизни нашли свое отражение в русских народных сказках. Сказки — источник древний и чрезвычайно важный для понимания культурных особенностей различных народов. Одновременно с этим они являются прекрасным подтверждением существования национальных характеров. Хотя сказки схожи по сюжетам, в разных странах у них свои герои, свои выходы из ситуаций, свои национальные идеи и идеалы. Они знакомы всем, и именно с анализа русских сказок надо начать знакомство с русским миром.

Корнями сказки уходят в далекое прошлое. Невозможно определить время их появления. До сегодняшнего дня многие из них дошли в смешанном виде: именно этим объясняется переплетение самых разных слоев и тем. Христианство, язычество и более древние и темные верования гармонично переплетаются в сказке в единое художественное целое, и это смешение никого не удивляет и не удивляло. Герой молится Богу перед дальней дорогой, так же естественно произносит магические заклинания и пользуется услугами сил природы. Из каких глубин истории приплыли чудо-юдо рыбы-киты, прилетели змеи горынычи, вылезли кощеи бессмертные, сказать трудно. Но очевидно, что они пришли из тех далеких времен, когда человек считал солнце, луну, ветер и деревья своими соседями и существами одушевленными.

Сказки стали записываться довольно поздно. Они представляют собой устное народное творчество, и в этом их важнейшая особенность. Проходя через различные эпохи, они впитывали их дух, настроения и интересы. Но многое потом снова уходило, а то, что оставалось, представляло собой те универсальные народные идеалы, которые не зависят от сиюминутности, вечны. Также и с местом: в разных регионах России сказки имеют местный колорит, где-то герой скачет по мхам и болотам, а где-то по лесам, но суть их от этого не меняется.

Еще одной особенностью сказок является тот факт, что они всегда были распространены повсеместно, в самых разных слоях общества. А значит, являлись своеобразным объединителем общества: носителем национальных идеалов, которые одинаково близки и понятны бедным и богатым, горожанам и деревенским жителям,

людям образованным и не очень. Известно, что сказки были больше всего распространены в крестьянской среде. Большое значение они имели для артельных рабочих, солдат, охотников. Есть исторические сведения о том, что до XVIII в. сказочники состояли и в царской свите, развлекая высокородных особ своими историями, за что их щедро вознаграждали.

Даже в период повсеместного «офранцуживания» русского дворянства сказка возвращала к национальным основам, поддерживала связь поколений, объединяла столь отделившиеся друг от друга слои русского общества. Хорошо известно высказывание А. С. Пушкина, которое содержится в письме к брату из Михайловского: «Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»¹. Но не только знаменитая Арина Родионовна рассказывала вечерами сказки великому поэту, нянюшки и мамушки по всей стране приобщали своих господ, предпочитавших французский язык русскому, к сокровищам народной культуры. Множество дневниковых свидетельств говорит об этом, так же как и распространенность литературной сказки (т. е. авторски переработанного сказочного сюжета) в XIX в.

Воспитательную роль сказки трудно переоценить. Для большинства детей именно со сказки начинается знакомство с художественным словом и постижение основ человеческой премудрости. С младенчества усваиваются многие истины, которые незаметно, спрятав их за интригующим и таинственным сюжетом, преподносит народная сказка. И родители, рассказывая или читая сказки своим детям, как бы заново повторяют урок, освежают в памяти те идеалы, которые они, в свою очередь, слышали в детстве от родителей или соседей. В этом проявляется двойственная роль сказок: они не только отражают особенности национального характера, но и активно его формируют, с раннего возраста давая детям готовые формулы и идеалы.

Значение сказки высоко оценивали русские ученые и мыслители. Философ Иван Ильин, выступая в Берлине на «Вечере русской сказки» в 1934 г., подчеркнул ее значение как хранилища национальной мудрости. «В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, — разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские — просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка...»²

Философ-эмигрант Б. П. Вышеславцев считал, что с помощью сказки можно проникнуть в подсознание народа. Для этого, по его мнению, надо проникнуть в его сны: «Но сны народа — это его эпос, его сказки, его поэзия... Многих возмущала пошлость и безнравственность сказки. Но сны бывают разные: прозаические, низменные, отвратительные и — возвышенные, божественные. Сны, как и сказки народа, не выбирают самого красивого и благородного, как это делают стихи поэта; они, напротив, неумолимо правдивы даже в своем цинизме»³.

Советский исследователь В. Я. Пропп отмечал: «Универсальность сказки, ее, так сказать, повсюдность, столь же поразительна, как и ее бессмертие. Все виды литературы когда-нибудь отмирают. ...Между тем сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями»⁴.

Единого мнения о происхождении сказки и ее истоках нет, да и быть не может. Зародившись в древности и пройдя через многовековые устные пересказы, сказка трансформировалась, менялась, обростала деталями из разных эпох и периодов. Основные концепции, существующие в науке, сводятся к следующему. Мифологическая школа, к которой относятся первые ученые-собиратели сказок — в Германии братья Гримм, в России — Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев, считает сказки осколком древних мифов. А. Н. Афанасьев писал: «Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводит к двум заключениям: во 1-х, что сказки создались на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу, и во 2-х, что, по всему вероятно, уже в эту давнюю арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса и потом разнесены разделившимися племенами в разные стороны — на места их новых поселений, сохранены же народной памятью — как и все поверья, обряды и мифические представления»⁵. Поиски отголосков древних мифов в современных сказках составили в данном случае основу изучения сказочных сюжетов.

Первые исследователи сказок считали, что существовала некая единая индоевропейская основа, из которой происходят все сказки, подобно тому как признается в науке существование единой прародины европейских языков. Этот некогда единый пранарод, говоривший на одном языке и имевший общие мифы, ставшие основой для сказок, расселился со временем, и образовались отдельные народы, чьи языки (и сказки) хотя и отличны друг от друга, но сохраняют черты прежнего родства. Именно поэтому сказки разных народов имеют общие сюжеты и мотивы, но излагаются по-разному, в зависимости от характера рассказывающего их народа.

Компаративисты (к ним относятся немецкий ученый Т. Бенфей, чешский — Й. Поливка, русский — А. Н. Веселовский, финский — А. Аарне) искали совпадения в восточных и европейских сказках, исторические соответствия в их сюжетных построениях, именах героев, мотивах и образах. Сопоставлялись сказки самых разных народов, проводились соответствия, делались попытки выявить первоначальную основу, а главное, — найти древнейший первоисточник каждой сказки. Чаще всего его находили на Востоке, особенно в Индии, иногда в древнем Египте, реже в Европе.

Поиск первоначального источника и затем путей распространения сказки в европейских и других странах составляли основу научных исследований сторонников данного направления. В сущности, в основе его лежит идея заимствования: согласно ей большинство народов просто усвоили чужие сюжеты, пришедшие к некоторым из них достаточно поздно. Однако в трудах лучших исследователей отмечается тот факт, что подобное заимствование не могло быть механистическим: «Усвоение пришлого сказочного материала немыслимо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде. Сходное притягивается сходным, хотя бы сходство было и неабсолютное... С этой точки зрения в каждой сказке должно быть и свое и чужое, теория заимствования подает руку теории самозарождения»⁶. То есть с одной стороны, должен был проводиться отбор сказок, наиболее близких данному народу, а с другой — их творческая переработка в соответствии с особенностями национального характера.

В рамках антропологической школы складывается теория о единой бытовой и психологической основе самозарождения сказочных сюжетов (широкое распространение получила прежде всего в Англии, ее основателем считается Э. Тэйлор). Изучив сказки народов всего мира, ученые пришли к выводу, что ни единая первооснова, ни заимствования не играют никакой роли в том, что народы, проживающие в разных уголках планеты, имеют схожие сказочные сюжеты. По их мнению, дело просто в человеческой психике, законы которой едины для всех народов.

Согласно теории Тэйлора, все народы проходят одинаковый путь развития. Причем развитие идет эволюционным путем — от менее совершенного к более совершенному. «Совершенными», естественно, являются так называемые цивилизованные государства, т. е. в первую очередь европейские и американские, а «несовершенными» — дикари, живущие племенным сообществом. Таким образом, для того чтобы узнать, как выглядели европейские народы в древности, надо отправиться куда-нибудь к островам Полинезии или в глубину африканского континента и понаблюдать за поведением и обрядами живущих там народов.

Схожего направления придерживалась и возникшая после революции советская теория стадияльного развития, ее активным пропагандистом был В. Пропп (заметим, кстати, что более поздняя советская и современная российская фольклористика предусмотрительно вообще предпочитали избегать темы происхождения сказок). Конечно, советские исследователи основывались на исторических концепциях классиков марксизма-ленинизма и отмежевывались от идеалистических концепций Тэйлора. «Отличие этих работ от английских состоит в том, — писал Пропп, — что сходство сказок объясняется не единством человеческой психики, а ее закономерной связью с формами материального производства, ведущими к одинаковым или сходным формам социальной жизни и идеологии»⁷. Сравнение русских народных сказок с мифами народов майя, верованиями папуасов Новой Гвинеи, сказаниями индейцев племени тлинкит или вадджага, легендами острова Фиджи и т. д. забавно, впечатляет эрудицией и широтой знаний, хотя и представляется натянутым и бесперспективным.

Все эти школы и направления не дают окончательного ответа о происхождении сказок. Вместе с тем все они подтверждают возможность изучения сказок с точки зрения национальных характеров. Если источник сказок был единым, а потом они получили национальное наполнение, значит сопоставление вариантов, существующих в разных странах, дает возможность изучать национальные отличия. В случае заимствования ситуация не меняется: какие сюжеты заимствовались, как преобразовались характеры, образы и ситуации на иной почве, и здесь сравнение даст возможность выявить национальные черты. Если же похожие сказки возникали независимо друг от друга, то и в этом случае различие между ними демонстрирует особенности психического склада того или иного народа. В любом случае очевидно, что именно сказки, по каким бы то ни было причинам единые в своей основе, дают богатый, яркий и наглядный материал для изучения национальных характеров. В этом их огромное значение при изучении различных народов, особенно тех, у которых популярность и широкое распространение сказки сохранялись на протяжении многих веков и продолжают сохраняться. К их числу относится и русский народ.

Итак, популярность различных сюжетов в разных странах, герои и другие персонажи, ситуации, в которых они оказываются, — все это отражает национальные особенности тех народов, которые эти сказки рассказывают. Не случайно веселая сказка о трех поросятах, которые строят себе домики из соломы, хвороста и кирпичей, родилась в Англии, так же как и поговорка «Мой дом — моя крепость». В стране, где концепция дома занимает ключевое значение в культуре и характере, поросенок, построивший дом из кирпича, не мог не стать героем сказки. А дети получают с детства урок — когда строишь

дом, ничего не жалея для этого, он не должен быть из соломы или хвороста, а самым что ни на есть прочным и настоящим.

Другой пример. Английская сказка «Дочь морского царя» рассказывает о морской деве-тюлене, которая, как и ее братья и сестры, раз в год сбрасывала тюленью шкурку и становилась прекрасной девушкой. Случайно ее увидел и полюбил рыбак, который украл ее шкурку. Не имея возможности вернуться в море, дева была вынуждена выйти за него замуж. Они прожили долгую жизнь на берегу моря, родили много детей, но однажды дева (напомним, теперь уже жена и мать) нашла свою старую шкурку. Страшно обрадовавшись и ни минуты не раздумывая, она надела ее на себя и уплыла в море. Щемящей нотой (для русского читателя) жалости к оставленной ею семье заканчивается сказка: «Только раз она оглянулась на домик, где хоть и жила против воли, но все же познала маленькое счастье. Шумел прибой, на сушу катились волны Атлантического океана, и пена их окаймляла берег. За этой пенной каймой стояли несчастные дети рыбака. Дочь морского короля видела их, но зов моря громче звучал у нее в душе, чем плач ее детей, рожденных на земле. И она плыла все дальше и дальше и пела от радости и счастья»⁸. Трудно представить такого рода «счастливый конец» для русской сказки, в которой незыблемы семейные устои, а тем более все, что связано с материнством. Но у англичан с морем особые отношения, и зов моря, его притяжение им понятны и близки.

А вот как выглядит вариант подобной сказки на русской почве⁹. В ней тоже участвует дочь морского царя — Василиса Премудрая. Ее одежду похищает герой, она вынуждена отстать от своих сестер. Но на этом сходство с английской сказкой заканчивается. Василиса сама предлагает Ивану-царевичу стать ее мужем, раз уж он похитил ее рубашку, видимо увидев в этом некий перст судьбы. Потом помогает ему выполнить задачи, которые ставит перед ним ее отец — морской царь. А когда его одолела тоска по родине, помогает ему бежать и сама бежит с ним к людям, хотя и знает, будучи Премудрой, что он ее там забудет. В русском варианте не свободная дочь морской стихии бросает своего земного мужа (а заодно и детей), как это было в английском варианте, а царевич забывает о морской царевне от радости, что вернулся на родину, на «святую Русь». «Пришел Иван-царевич во дворец, — рассказывает сказка, — увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую»¹⁰. Только любовь, преданность и сила его возлюбленной соединили героев, так что они «стали все вместе жить да поживать да добра наживать».

Итальянские сказки отражают особенности итальянской жизни. Искусство сопровождает итальянцев всю их жизнь. Поэтому естественно, что ни у какого другого

народа нет такого обилия сказочных сюжетов, в которых участвуют произведения искусства, прежде всего статуи. В итальянских сказках герои магическими чарами превращаются в статуи, влюбляются в статуи и стремятся их оживить, получают советы от статуй, становятся статуями в наказание. Иногда статуи защищают своих создателей. В сказке «Тайна Флорио» бесчестный скульптор Фабиано присваивает себе шедевры, которые создает его подмастерье Флорио. Он подписывает свое имя на статуях, и все окружающие восхищаются его твореньями. Связанный словом, Флорио молчит и продолжает ваять прекрасные статуи. Так продолжается до тех пор, пока сами статуи не решают восстановить справедливость. В доме Фабиано собираются гости, чтобы восхититься новым шедевром. И тут происходит неожиданность:

«И вдруг статуя заговорила. Она не сделала ни одного движения. Только чуть приоткрыла изогнутые, словно лук стрелка, губы. Статуя сказала:

В тиши ночей медлительный резец
Меня из камня вывел к свету.
Не Фабиано, нет, мне Флорио отец,
Безвестный Флорио, хоть он молчит об этом.

Произнеся эти слова, статуя сомкнула губы. Но тут гневными голосами закричали другие статуи, ее сестры и братья: “Сотрите с нас неслыханный позор! Нас создал Флорио! А Фабиано — вор!”» После такого позора Фабиано остается только бежать, а Флорио — купаться в лучах заслуженной славы.

Итальянский фольклор содержит небывалое количество сюжетов, посвященных преобразованиям и превращениям. Конечно, и в русских сказках есть свои царевны-лягушки и финисты — ясные соколы, на то они и сказки, чтобы происходили чудеса, но в итальянских их несравнимо больше, чем в каких-либо других. Практически в каждой все выглядит не тем, что есть на самом деле: апельсины оказываются прекрасными девушками, грязный поросенок — принцем, мальчик — рыбой. Еще Древний Рим проявил особый интерес к этой теме. Овидий собрал вместе все мифологические истории (их около 250), в которых происходят преобразования, и назвал свое собрание «Метаморфозы». Люди в них во что только не превращаются — в животных, растения, созвездия и камни.

Полтора столетия спустя другой римский писатель, Апулей, написал роман «Метаморфозы», или «Золотой осел», в котором главный герой превращается в осла и в таком обличьи участвует в разного рода приключениях, в том числе и эротических (не случайно ведь юный Пушкин «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал»).

Это литературное произведение содержит прекрасную народную сказку-легенду об Амуре и Психее (так же как наш фольклорный «Аленький цветочек», записанный писателем Аксаковым). Оба произведения, безусловно, имеют общую основу и несомненное сходство. В древнеримском варианте главная проблема Психеи — ее красота и доверчивость, враги — богиня Венера и завистливые сестры, спасение приходит от высшего божества Зевса, которого уговаривает влюбленный Амур. По воле богов ее отправляют в загадочный дворец, где живет невидимый дух, который немедленно вступает с ней в интимную связь. Когда, подзуживаемая сестрами, она освещает его лицо во время сна, он оказывается самым красивым юношей на свете — Амуром. Основа любви здесь — красота, спасение героев — в руках богов.

В русском варианте героиня сама напрашивается на неприятности, мечтая о таинственном аленьком цветочке. Хозяин дворца (трудно представить себе, чтобы они, как в случае с Психеей и Амуром, оказались в одной постели в первую же ночь) действует уговорами и разговорами, пробуждает жалость, завоевывает чувства девушки умом и порядочностью. Герой при свете дня оказывается настоящим чудовищем, и именно его любит нежное сердце героини. Основа любви здесь — судьба, суженость, вечный принцип русской женщины «хоть плохонький, но свой», спасение же героев — в преданности и стойкости. Только сестры в сказках разных народов завистливые и злые.

То особенное место, которое итальянский карнавал, с его традицией переодевания, масками, театральностью и игровой культурой, занимает в итальянском мире, отражено и в сказках. Сюжеты некоторых из них посвящены переодеваниям, когда персонаж становится тем, во что он одет. В известной сказке о генерале Фанта-Гиро в трудную для страны минуту младшая дочь короля, у которого не было сыновей, идет на войну. Ее старшие сестры не смогли переломить свою женскую натуру и не пошли воевать. Фанта-Гиро решает стать настоящим генералом. Для этого она прежде всего одевается соответствующим образом: «Она надела доспехи, подобрала длинные косы под шлем, опоясалась мечом да еще прибавила два пистолета. Генерал получился хоть куда»¹¹. Одежда и звание диктовали и поведение. Ее противник-король, чутьем понимая, что перед ним девушка, никак не мог ее подловить. И оружие ее привело в восхищение, и ветку жасмина она по-мужски засунула за ухо, и ломоть хлеба по-солдатски маханула на весу. Переодевшись, она настолько вошла в роль, что узнать в ней девушку было невозможно, она ощущала себя генералом и вела себя как генерал. Только вернувшись в женское платье, женской ревностью и слезами разоблачила она себя.

Показательные результаты дает сравнение двух сказок с общей основой: немецкой «Метелица» и русской «Морозко». «Морозко» вообще является очень характерной для

русской культуры сказкой и не только потому, что связана с морозной снежной темой, которую традиционно считают очень русской. Русскость ее гораздо глубже. Сюжет ее прост: живут дед с бабой и дочерьми, старшая — падчерица, нелюбимая мачехой и сестрами. Надоела она бабе своей красотой, послушанием и прилежанием, и велела мачеха деду отвезти ее в лес и оставить под сосной. Дело было в разгар зимы, так что судьба девушки была предопределена. Вот как описывает сказка дальнейшие события: «Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит: “Тепло ли те, девица?” — “Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!” Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу: “Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?” Девица чуть дух переводит, но еще говорит: “Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!” Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал: “Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?” Девица окостеневала и чуть слышно сказала: “Ой, тепло, голубчик Морозушко!”» После этого Морозко награждает девушку дарами, и она благополучно возвращается домой.

Завистливая мачеха решает отправить и своих дочерей за вознаграждением. Сели они под деревом, а мороз страшный, холодно, мерзнут. «Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит: “Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?” — “Ой, Морозко, больно студено! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул” Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. “Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?” — “Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли”. Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: “Тепло ли вам, девицы?” — “Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!”» — и девушки окостенели. Наказал их Морозко до смерти.

Интересна реакция иностранных студентов на просмотр этой сказки в учебных целях (она была экранизирована в 1960-е гг.). Они никак не могли понять, в чем ее смысл. Одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатство. Другая — честная и искренняя, ей холодно, она так и говорит. А ее за это наказывают. Разве не загадочна эта русская душа?

Кстати, в начале 1990-х гг. на волне всплеска интереса к России фильм «Морозко» был переведен на английский язык и выпущен в Америке. Результат неожиданный и непредсказуемый — он оказался в числе 100 худших фильмов всех времен и вызвал

жаркую дискуссию в Интернете, которая не прекращается по сей день¹². «Ужасный, отвратительный фильм», «наркотический бред», «никогда не смотрите его», «ничего нельзя понять в сюжете», «неудивительно, что мы выиграли холодную войну, если русские любят такие фильмы» — таковы комментарии американских зрителей. Начиная с 2000 г. к обсуждению горячо подключились российские и европейские пользователи Интернета, утверждающие, что только американцы, считающие весь мир одним большим Макдоналдсом, могли не понять эту прекрасную сказку (это далеко еще не самое обидное из высказываний). Словом, разгорелся настоящий конфликт культур.

Действительно, на первый взгляд в сказке отсутствует логика. Но русскому читателю, слушателю или зрителю понятно, что героиня сказки «Морозко» скромная, тихая, кроткая, т. е. воплощает любимые народные качества. Она не хочет утруждать своими проблемами пожилого человека, принимает свою судьбу такой, как она есть, не ропща и не жалуясь. Ее правда — в терпении и смирении. А мачехины дочери — эгоистки, думают только о том, что им холодно, шумят и ругаются, обзывают грубыми словами старика и не заслуживают снисхождения.

Совсем другие ценности мы находим в немецком аналоге «Метелица». В ней сразу появляются логика и рациональность. Русские сказки любят нелогичные и необъяснимые действия — жила себе падчерица, потом вдруг, безо всяких объяснений, ее отправляют умирать в лес, и все, хотя и огорчившись, понимают и принимают эту ситуацию. В немецкой сказке тоже нелюбимая падчерица совершает все-таки в начале пусть небольшой, но проступок — роняет веретено в колодец. Ухватившись за этот предлог (он все-таки нужен!), мачеха велит ей достать веретено из колодца. Неожиданно в колодце девушка встречает старушку, которая предлагает ей немного у нее пожить и поработать.

Девочка была прилежна и трудолюбива: «Она очень старалась угодить Метелице своей работой и взбивала перину так, что пух летел вокруг, будто снежные хлопья. Старушка полюбила прилежную девочку, всегда была с ней ласкова, и девочке жилось у Метелицы гораздо лучше, чем дома». Когда же она собралась все-таки вернуться домой, старушка наградила ее — полила золотым дождем.

Далее, как и в русском варианте, мачеха отправляет родную дочку за приданым. Та ныряет в колодец, встречает старушку: «Вот и стала ленивица жить у бабушки Метелицы. В первый день она еще скрывала свою лень и делала, что ей велела старушка. Уж очень хотелось ей получить награду! Но на второй день она начала лениться, а на третий даже встать утром с постели не захотела, она совсем не заботилась о перине Метелицы и взбивала ее так плохо, что из нее не вылетало ни одного перышка. Бабушке Метелице

очень не понравилась ленивая девочка»¹³. В результате последовало наказание — лентяйку облили смолой, и она стала замарашкой.

В немецких сказках на первый план выходит труд как мерило ценностей. Хороший человек — тот, который хорошо трудится, а зло воплощено в лени. Хорошая девочка в немецком варианте трудолюбива и чистоплотна, она проходит испытание трудом (в русском варианте испытывают холодом на терпение и скромность). А плохая девочка — лентяйка и грязнуля, ничего не может и не хочет делать, за что и наказывается. И наказание вполне характерное — она становится на всю жизнь замарашкой и не может смыть с себя грязь. Что может быть неприятнее для немцев с их традиционным культом чистоты!

Французские сказки лучше всего известны в пересказе Шарля Перро. Конечно, они подверглись литературной обработке и отошли от первоначального народного оригинала. С другой стороны, несомненно, Перро отобрал наиболее популярные и понятные французскому читателю истории, так что их можно считать вполне представительными для французской культуры. Сказка «Ослиная шкура» начинается вполне традиционно: жили-были король с королевой, любили друг друга, но не было у них детей. Тогда они взяли на воспитание дочь своего умершего друга и полюбили ее как родную. Здесь все понятно и просто. Но дальше начинаются неожиданности. Королева умерла, и король очень сильно затосковал, потому что очень любил ее. Он и слышать не хотел ничего о новой женитьбе, пока ему не указали на его воспитанницу. Тут король потерял голову и стал вести себя совершенно неразумно, силой принуждая девушку выйти за него замуж. Охваченный страстью, он из хорошего доброго персонажа превратился в главного гонителя и преследователя. Подобного рода «греховная страсть» к своей почти дочери крайне редко встречается в русских вариантах.

Обращение девушки к тетке-волшебнице и следование ее советам не привело ни к каким результатам, кроме получения трех прекрасных платьев, цвета неба, луны и солнца, которые девушка предусмотрительно захватила с собой, убегая от короля. Такой практицизм также слегка шокирует русского читателя, привыкшего к сказкам, в которых героини всегда бескорыстны. Обернувшись, правда, в шкуру убитого по ее просьбе осла, чтобы ее никто не узнал и не поймал. Платья ей все жегодились — в тот момент, когда она, скинув шкуру, примеряла одно из платьев, чтобы полюбоваться собой, ее увидел во всем великолепии королевич, влюбился и в конце концов женился. В русских сказках очень силен принцип «Полюбите нас грязенькими, а чистенькими нас каждый полюбит», а красота и великолепие невесты являются в конце наградой за любовь.

Национальные особенности заметны и во французской сказке «Рике с хохолком». Ее герой некрасив, но очень умен. Две сестры, королевны из соседней страны, родились одновременно, но совсем непохожи друг на друга: одна — прекрасная лицом, но совершенно глупая, другая — умная, но некрасивая. Казалось бы, ожидаешь некоего любовного треугольника с вытекающей финальной моралью, что красота — это не так важно по сравнению с умом и хорошим характером. Именно к этому, скорее всего, и пришла бы русская сказка. Во французской качества характера героинь вообще не упоминаются, а вот красота и ум имеют решающее значение. И определяющее. Вполне логично и объяснимо (хотя и не законам русской сказки) герой предпочитает красавицу, подарив ей частицу своего ума, а красавица выходит замуж за умника, предварительно убедившись, что он похорошел благодаря волшебству. Совершенно в стороне остается некрасивая, но умная героиня, ее полностью затмевает поумневшая красавица-сестра. Русский читатель, тайно сочувствуя некрасивой умнице, все ждет, что ее как-то наградят. Но нет — торжествует красота. А некрасивая сестра постепенно озлобляется от зависти (это остается за пределами сказки, но как-то напрашивается всей логикой повествования).

Наконец, интереснейший материал для исследователя национальных характеров дают русские сказки, возникшие на основе заимствования из иностранных литературных произведений. XVII и XVIII вв. познакомили русского читателя с разнообразной переводной литературой. Часть сюжетов переводных повестей проникла в сказочные народные повествования. При этом иностранные сюжеты прошли тщательные отбор на соответствие национальным идеалам, а отобранные трансформировались на русской почве порой до неузнаваемости. Так, в XVII в. по всей Западной Европе в переводах распространился роман о Тристане и Изольде. Успех его был огромен. А в России история о роковой любви популярность в народе не приобрела, хотя и была переведена в то же время на русский язык. Страсть, да еще и с подтекстом измены, не отвечала народным идеалам.

Совсем другой была судьба повести о Бове-королевиче. Появившись в средневековой Франции, она стала популярна и в Европе, и в России. Через многочисленные рукописные и печатные издания, распространившиеся в России, проникла она и в народную сказку. Однако претерпела важные изменения. В оригинале Бова — сын князя Гвидона, которого убивает жена, чтобы выйти замуж за князя Додона (имена героев заставляют вспомнить сказки Пушкина, в которые, кроме имен, ничего особенно и не перешло). Сын ей мешает, он вынужден бежать. После странствий он оказывается конюхом у короля, дочь которого Дружна пленяется исключительной красотой Бовы (помимо всего прочего, у него еще и золотые волосы). Главное в романе —

битвы, которые выигрывает непобедимый красавец Бова. Он спасает всех, включая отца Дружнены, и в конце концов завоевывает свою принцессу.

В русском сказочном варианте, а отголоски повести встречаются в самых разных сказках, Бова не участвует ни в одной битве. Этот элемент полностью исчезает, так же как и во многих случаях красота Бовы, о его внешности просто нигде не упоминается. Иногда только неожиданно, к концу повествования, обнаруживаются его золотые волосы. Таким образом, русская версия в обобщенном виде выглядит так: Бова (часто под другим, русифицированным именем) бежит от преследований матери и отчима, попадает к царю в качестве слуги, конюха или садовника, привлекает внимание дочери царя — иногда прекрасным садом, который вырастил, иногда необычными для слуги речами и поведением, а чаще всего просто так, немотивированно, — открывается ей в своем благородном происхождении, проходит испытания и женится. Отсутствие мотивировки в любви и браке — излюбленная тема русских сказок, считающих судьбу определяющим фактором в этих вопросах.

Таким образом, сказки играют двойственную роль: с одной стороны, они отражают национальный характер, дают возможность судить о распространенных в народе идеалах, своими сюжетами, героями, моралью отражают национальные представления о мире, о людях, о том, что такое хорошо, а что такое плохо. С другой стороны, именно сказки в значительной степени этот характер и формируют, с детства закладывая в сознание основные жизненные идеалы и приоритеты. Важной особенностью сказок является их вневременность — зародившись в древности, подвергаясь изменениям и наслоениям, в зависимости от исторической эпохи, они пронесли неизменными через века именно базовые важнейшие особенности русской культуры в широком смысле этого слова. То же самое относится и к местным вариантам, и к различным социальным и возрастным группам. Сказки объединяют русский мир в некое единое целое — вне зависимости от времени, пространства, социального статуса или возраста рассказчика и слушателя. Они являются великим объединителем русского (так же советского и российского) народа.

Бытование сказки в России

Существует множество свидетельств распространенности сказки в России. Во-первых, наличие специального термина — сказка. Из всех главных европейских языков только в русском и немецком существует специальное слово для этого явления. Во-вторых, существование огромного количества сказочных сюжетов и их вариантов,

которые были записаны за последние 200 лет. В-третьих, серьезное и обстоятельное научное изучение сказок, начавшееся еще в XIX в., здесь русских исследователей опередили (по времени, а не по числу работ и концепций), пожалуй, только немецкие ученые. Наконец, об этом говорит и широкая популярность сказок, сохранившаяся в русском обществе до сегодняшнего дня. В большинстве стран они к настоящему времени стали анахронизмом и материалом для ученых трудов по фольклору. В России они сохранили свое значение, адаптировавшись и приняв новые формы — кино, мультфильмы, видео, сегодня они приспособились и к компьютеру. Но большая часть сказок по-прежнему рассказывается или читается детям, как и когда-то, их бабушками и мамами. Может быть, именно поэтому столь велико доверие к сказкам!

Трудно найти какую-либо конкретную причину столь широкого распространения и долговечности бытования сказок в России. Здесь сыграл свою роль тот факт, что Россия длительное время оставалась крестьянской страной, а крестьянство наиболее привержено традиционным формам фольклора и, связанное с землей и природой, дольше других сохраняет веру в чудо. Важно и то, что русский народ привык работать и отдыхать сообща, а хорошо известно, что сказка была популярна во время коллективных работ и посиделок. Несомненное значение имеет тот факт, что письменное слово долгое время было привилегией исключительно духовной литературы, а светская книга получила широкое распространение в стране довольно поздно. Размер страны также способствовал сохранению старых традиций времяпровождения, не случайно в поздний период, с конца XIX в., центр собирания и распространения русской сказки перемещается в Сибирь, куда, конечно, разного рода развлечения доходили медленнее и в меньшем количестве, чем это было в Центральной России.

Нельзя не упомянуть о высоком художественном значении народных сказок, наполненных замечательными поэтическими образами. Как прекрасно и точно описание течения дня. Шла девушка к бабе-яге, встретила по дороге трех всадников: белого, красного и черного. Удивилась она, решила бабу-ягу расспросить: «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» — «Это день мой ясный», — отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет: это кто такой?» — «Это мое солнышко красное!», — отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» — «Это ночь моя темная — все мои слуги верные!»

Трудно забыть и многочисленные заговоры, присказки, стихотворные формы, которыми наполнены сказки. Плачет братец-козленочек:

Аленушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные!

И конечно, сказки продолжают оставаться кладезем и хранилищем народной мудрости: «утро вечера мудренее», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «не желай богатства, пожелай жену мудрую», «много будешь знать, скоро состаришься» и т. д. Это уже не просто национальная, а житейская мудрость.

То, что сказки всегда были распространены в первую очередь в народной среде, не вызывает сомнения, хотя письменных свидетельств этому практически не сохранилось. Об этом говорят персонажи — преимущественно крестьянские сыны или солдаты, подробности крестьянского быта, сохранившиеся в сказках, а превращение в конце сказки в царского зятя и безбедная жизнь лишний раз свидетельствуют о бедности рассказчиков и их слушателей, мечтавших о несбыточном. Письменные же источники свидетельствуют о том, что сказки были распространены повсеместно, вплоть до царских палат.

Известно, что царь Иван Грозный очень любил сказки и без них плохо засыпал. По свидетельству двух немцев Иоганна Таубе и Элерта Крузе, находившихся при царском дворе и пользовавшихся (совершенно напрасно) доверием грозного царя, именно так проводил вечера Иван Васильевич. Они наблюдали это в Александровской слободе. Сначала царь посещает вечернюю молитву. «После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, за одной другую. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну...»¹⁴

Рассказывание сказок было тогда делом повсеместно распространенным. Историк русского быта Иван Забелин полагал, что это было типично не только для особ царского звания: «Мы полагаем, что это была общая привычка старинных русских людей и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века»¹⁵.

Дошли до нас и имена находившихся при дворе царя Михаила Федоровича Романова сказителей, или, как их тогда называли, «бахарей» (видимо, от слова «баять» — рассказывать): Клим Орефин, Петр Сапогов, Богдан Путята или Путятин¹⁶. Документы сообщают о щедрых дарах, которыми жаловал царь своих бахарей, что говорит о том, как высоко ценил он их искусство.

В XVIII в., несмотря на серьезные изменения в жизни и быте российского дворянства, сказку продолжали слушать и любить повсеместно. Так, в знаменитых мемуарах А. Т. Болотова упоминается об особом увлечении фельдмаршала С. Ф. Апраксина сказками: «На походе, — сообщает мемуарист, — Апраксин помещался в огромных калмыцких кибитках, убранных кошами и коврами. Адъютанты и ординарцы, вызываемые к нему ночью, заставляли своего фельдмаршала утопающим в пуховиках, а в головах за столиком сидел солдат-гренадер и рассказывал ему во все горло сказки для успокоения душевного на сон грядущий»¹⁷.

С конца XVIII в. происходят важные изменения в духовной жизни страны — начинается все нарастающий процесс широкого распространения светской книги в русском обществе, проникавшей и в народную среду. Печатная книга перестает быть дорогой редкостью, она становится доступной каждому. В XIX в. возникают издательства, занимающиеся выпуском книг для народа — интересных и дешевых. Книга начинает теснить устное народное творчество.

Одновременно с этим происходят и другие изменения, жизнь русской деревни разнообразится, появляется больше развлечений и возможностей провести свободное время. Открываются библиотеки, в провинциальных городах появляются театры, в том числе и народные, развиваются средства коммуникации, путешествие становится более доступным. Конечно, не стоит преувеличивать масштаб подобных изменений: крестьянин по-прежнему в первую очередь связан с землей и сельскохозяйственным трудом, походы в театр и путешествия не являются для него делом обыкновенным. Но все-таки сказка начинает постепенно терять свое значение даже в крестьянской среде.

По мере проникновения образования в крестьянскую среду сказок начинают стесняться. Корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева сообщал из Владимирской губернии: «Взрослые сказок не любят и говорят, что это одно баловство. Считается, что дети зря обувь носят, если в школе задают на дом учить сказки. Сами дети сказки любят...»¹⁸ С одной стороны, понять крестьянина можно — сказки детям и дома расскажут, в школу он ходит за наукой. С другой стороны, очевидно, что перед городским человеком, задающим вопросы о крестьянской жизни, надо выглядеть прилично, Владимирская губерния в самом центре страны, не какое-нибудь захолустье. В этом большая проблема всех такого рода опросов — правду ли говорят или покрасоваться хотят, мол, мы тоже знаем, что сказки — это для детей, самим взрослым людям в любви к ним признаваться неловко.

В дворянской среде все эти процессы были еще более масштабными. В XIX в. разрыв между народной крестьянской и дворянской культурой все возрастал. С

распространением печатной художественной литературы, иностранных языков и книг в России дворянство и вообще образованная часть населения практически полностью отошла от фольклора. Если в допетровскую эпоху даже цари развлекались, слушая вечерами сказочников, то к началу XIX в. не самый «знатный» дворянин, в плане происхождения и крови, А. С. Пушкин пишет о «недостатках проклятого своего воспитания», которое было лишено сказок.

И в этот момент сказка в очередной раз демонстрирует свою «живучесть». Во-первых, ее начинают записывать и издавать в виде лубочных изданий для народа, отдельных книг, целых научных собраний. Из бесконечно подвижной и изменчивой формы сказка превращается в более статичную. Теперь ее не только рассказывают, но и читают.

Во-вторых, сказочные сюжеты проникают и в художественную литературу. Самые знаменитые — сказки А. С. Пушкина. Используя традиционные народные темы и персонажей, Пушкин придал им блестящую поэтическую форму, показав пример гениального сочетания народного творчества и «высокой» литературы. Пушкин гордился своими сказками. На рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке», которую он подарил В. И. Далю (тот свои сказки публиковал под псевдонимом Казак Луганский), поэт написал: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Интересно, что сказки Пушкина пользовались успехом и в крестьянской среде. Данные Этнографического бюро свидетельствуют об этом. «Сказки Пушкина знают даже безграмотные старухи», — писал корреспондент бюро из Ярославской губернии. А вот сказки Л. Н. Толстого, написанные специально для народа, успеха не имели. Многие крестьяне запрещали детям читать такие сказки: «К чему пригодны такие книжки? В них только и говорится, что про чертей»¹⁹.

В. А. Жуковский, П. П. Ершов, В. И. Даль, М. Ю. Лермонтов, даже императрица Екатерина II и многие другие писали сказки. Таким образом, сказка адаптировалась к новым условиям, круг ее читателей расширялся, разнообразился. Она по-прежнему соответствовала вкусам русского человека, вне зависимости от его положения и состояния.

Некоторых такого рода приземленный и простой вкус огорчал и как-то обижал. Писатель А. Е. Измайлов в своем романе «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания», вышедшем в самом начале XIX в., писал: «Прочти деревенскому дворянину, который не выезжал из села своего и проводил в нем все время с одними псами и девками, прочти ему Хераскова “Россияду”, он многого не поймет в ней, но сражения богатырей ему понравятся, и, может быть, нелепая сказка одержит в его уме

преимущество над бессмертной поэмой»²⁰. История показала, что именно «нелепая сказка» оказалась бессмертной и уж точно долговечнее поэм Хераскова.

Сказка продолжала существовать и в традиционной устной форме. Даже в дворянской среде увлечение ей продолжалось. С. Т. Аксаков с большой любовью вспоминал о ключнице Пелагее, которая ввела его в мир сказок. В автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука» он описывает свое знакомство с Пелагеей и ее сказками: «По совету тетушки, для нашего усыпления позвали один раз ключницу Палагею, которая была великая мастерица сказывать сказки и которую даже покойный дедушка любил слушать. Пришла Палагея, не молодая, но еще белая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, подошла к ручке, вздохнула несколько раз, по своей привычке всякий раз приговаривая: “Господи помилуй нас, грешных”, села у печки, подгорюнилась одною рукой и начала говорить, немного нараспев: “В некиим царстве, в некиим государстве...”»²¹ Аксаков вспоминает, что сказки захватили его целиком и полностью, из-за них он был готов забыть обо всем до такой степени, что его заботливая мать даже на какое-то время запретила их ему рассказывать. Уже взрослым он вспомнил Пелагею с ее сказками и записал чудесную сказку «Аленький цветочек».

А как прекрасно описывает И. А. Гончаров значение сказок в жизни его героя дворянина Ильи Обломова, их роль в воспитании и формировании его доброй, романтической, жалостливой и такой боязливой натуры. Особенно привлекательна для него тема чудес, когда можно так прекрасно жить, ничего не делая. К этому стремится его детская душа, об этом мечтает он и став взрослым. Сказка становится частью реальности, той мечтой, к которой стремится душа ребенка и взрослого. Сказки занимают важное место в жизни других обитателей Обломовки, старых и малых.

В уютной петербургской квартирке Обломова единственное, что хорошо делается, так это спится. И он видит сон про свое чудесное детство:

«...он в бесконечный зимний вечер робко жметя к няне, а она нашептывает ему о какой-то неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде щуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного — другими словами, какого-нибудь лентяя, которого все обижают, — да и осыпает его ни с того ни с сего разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне.

Ребенок, наострив уши и глаза, страстно впивался в рассказ...

Нянька или предание так искусно избегали в рассказе всего, что существует на самом деле, что воображение и ум, проникшись вымыслом, оставались уже у него в рабстве до старости... Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка...

И старик Обломов и дед выслушивали в детстве те же сказки, прошедшие в стереотипном издании старины, в устах нянек и дядек, сквозь века и поколения...

И поныне русский человек среди окружающей его строгой, лишенной вымысла действительности любит верить соблазнительным сказаниям старины, и долго, может быть, еще не отрешиться ему от этой веры...

Сказка не над одними детьми в Обломовке, но и над взрослыми до конца жизни сохраняет свою власть. Все в доме и в деревне, начиная от барина, жены его и до дюжего кузнеца Тараса, — все трепещут чего-то в темный вечер: всякое дерево превращается тогда в великана, всякий куст — в вертеп разбойников».

Сказки продолжали жить и в русской деревне. Их рассказывали на посиделках, на постоянных дворах, во время коллективных работ, на досуге долгими зимними и осенними вечерами. Жила сказка в крестьянской семье, ее рассказывали детям, обучая их уму-разуму. Рассказывали их у костров «в ночном», в полевых станах, в пути. Сказочниками в этих случаях были сами односельчане, ремесленники, такие как, например, портные, переходившие от деревни к деревне, нищие, ямщики, няни, старики, на попечении которых оставляли детей. Особым местом была мельница, куда привозили зерно из окрестных сел и деревень и где иногда приходилось ждать своей очереди по несколько дней. Мельник, умевший мастерски рассказывать сказки, мог рассчитывать на большее число клиентов.

Сказки процветали и там, где работали артелями. Здесь они сохраняли свое значение как вид устного творчества, пожалуй, дольше всего. Именно поэтому надолго задержалась устная сказка на Севере и в Сибири, среди охотничьих, рыболовецких, лесорубных и других артелей. На Печоре, по свидетельству известного собирателя сказок начала XX в. Н. Е. Ончукова, староста, составляющий артель, всегда стремится залучить в нее всеми мерами сказочника или «старинщика». А по свидетельству одного из молодых сибирских собирателей, в рыболовных артелях на Байкале сказочнику давали лишний пай и освобождали от целого ряда работ. «Человек, хорошо рассказывающий сказки, уже

выше всей рыбацкой артели. Он — душа ее, источник светлых, бодрых настроений, которых так жаждет каждый человек и особенно рыбак, усталый после работы. По колено в воде, усталый, намокший, озябший, не всегда с хорошим уловом — он не падает духом, сидит далеко за полночь и слушает сказки, а рано утром окрик башлыка “по-дымайся!” заставляет его снова взяться за работу»²².

Большой популярностью пользовались сказки в солдатской и казачьей среде. Их рассказывали в походах, на привалах, в минуты отдыха. В армии собирались люди из самых разных уголков России, и невольно происходил обмен сказочными сюжетами. Интересно, что участники Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, что эта традиция сохранялась и на этой войне²³.

В начале XX в. этнограф Е. Н. Елеонская отмечала: «Сказка до сих пор живет деятельной жизнью, она продолжает рассказываться, отражая в себе черты разной среды и разных эпох, она приноравливается ко времени и лицам, порою сохраняя старую тему, она является в обновленной форме и служит выражением настроения, воззрения данного момента»²⁴.

Отдельно надо несколько слов сказать о рассказчиках-профессионалах, благодаря которым каждая сказка становилась неповторимой. Несмотря на устойчивость не только сюжетов, но и отдельных деталей повествования, словесных оборотов, присказок и прибауток, личность рассказывающего не могла не отражаться на изложении сказки. Сохранились сведения о подлинных мастерах своего дела.

Известный этнограф Д. К. Зеленин в начале XX в. записал сказки, рассказанные пермским сказочником А. Д. Ломтевым. Настоящими сказками Ломтев считал только старые традиционные волшебные. Зеленин писал о нем: «Ломтев относится к сказкам весьма серьезно. Мелкие рассказы и бытовые анекдоты он никогда не назовет сказками, а пренебрежительно — “побасенками”. Не любит он также сказок, в которых “много брязгу” (неприличного), и “Микулу-шута” рассказал мне лишь под веселую руку, да и то с извинениями: эта-де сказка — “только мужикам ржать” (хохотать)... Настоящими сказками Ломтев считает только те, в которых подробно рассказывается о чудесных подвигах богатырей. Знанием таких именно сказок Ломтев гордится. Если в сказке нет настоящих богатырей, то должны быть, по крайней мере, цари, короли, генералы и вообще высокие лица: иначе сказка будет “мужицкою”»²⁵.

Известный собиратель и исследователь русской сказки М. К. Азадовский так описывал в дневнике сказочника, которого он встретил во время экспедиции в Бурятии в 1927 г.: «Там мне удалось познакомиться с великолепнейшим мастером-сказочником Д. В. Асламовым, который по богатству репертуара и умению рассказывать, несомненно,

войдет впоследствии в ряды наших лучших сказителей. Мне приходилось слышать от него сказки и один-на-один, и в небольшой тесной группе, и в большой аудитории. Как мастер-исполнитель, он особенно разворачивается, когда перед ним много слушателей. Рассказчик он превосходный. Он то повышает, то понижает голос, делает паузы, играет и жестикулирует. Он рассказывал Фомку-вора: когда Фомка-вор появляется перед слугами, переодетый губернатором, он кричит, топает ногами, хмурит брови. Когда выясняется безнадежная глупость губернатора и окружающие разъяряются ему ее, сказочник придает своему голосу увещательные и внушительные интонации. Отдельные подвиги и похождения он отмечает восклицаниями и вопросами: “Ага! Хорошо! Ловко! Вот как! Ловко сделано!” и т. д. Или наоборот замечаниями: “Вот дурак-то!”, “Ну чо же, смекалки-то не хватает”. Рассказывая, он все время находится в движении: оборачивается то в одну, то в другую сторону, иногда привстает с места, руками обозначает размеры, если приходится, например, говорить о величине, росте, вообще, размерах чего-нибудь или кого-нибудь. Настроение и восторг слушателей передаются и ему и, особенно, когда аудитория не может сдерживать смеха, он увлекательно и заразительно хохочет вместе с ними, прерывая рассказ. Необычайно подвижно и его лицо. Морщины его то собираются, то разглаживаются, брови насупливаются, когда речь идет о суровых и печальных фактах; с появлением же в рассказе сентиментальных и идеалистических сцен на его лице появляется улыбка. В торжественных и патетических местах он приподнимается, лицо становится суровым, поднимает руку и грозит пальцем»²⁶.

Азадовский же описывает и другой тип сказителя — Сороковикова Егора Ивановича: «Как рассказчик Асламов — полная противоположность Егору Ивановичу. Тот рассказывает спокойно, плавно, в несколько приподнято торжественном тоне, но в общем эпически спокойно. Он спокойно сидит на месте, спокойно его лицо, и только голос модулирует, подчеркивая различный характер разворачивающихся событий. Особенно резко различие между ними и Асламовым в комических пассажах. Асламов весь живет, увлекается сам, поддается заражающему хохоту аудитории и в свою очередь сам увлекательно хохочет, Егор Иванович остается спокойным и только слегка улыбается в ответ на восторг аудитории». Такого же типа енисейский сказочник Зыков, изученный молодым сибирским собирателем И. Г. Ростовцевым: «Многолетняя практика выработала у него опытность и спокойную уверенность. Он не волнуется, не заминается и не останавливается, подыскивая слова. Не вскакивает с места и не бежит по избе, как народные актеры. Рассказывая, он неподвижно сидит на лавке, сочно сплевывая и перебирая кисет с табаком. Только в патетических местах делает несколько энергичных жестов»²⁷.

Среди сказочников-мастеров чаще встречаются мужчины. Но были и женщины, в их изложении сказки приобретали несколько иной характер. Они отличались особой мягкостью, задушевностью. Все грубые или слишком жестокие места в них сглаживались. Изменялся даже сюжет. Так, в некоторых сказках, хотя и довольно редко, встречается «неверная мать», которая ради своего любовника хочет извести сына. Такие истории заканчиваются суровым наказанием матери. В «женских» же вариантах наказание гораздо мягче, иногда сын прощает мать. Известная сибирская сказительница Винокурова даже давала пояснения этому: «Нет прав#6 в таких, чтоб мать казнить»²⁸.

Интересна судьба традиционной сказки в советское время. После революции сказка попала в категорию вещей устаревших, связанных со старым режимом. Сомнительной казались ее идеи, слабо отражала она классовую борьбу, слишком много было в ней царств и королевств, а каждый приличный герой не только получал в конце жену, но и сам становился царевичем или королевичем. Один из «защитников» художественного значения сказки писал в самом начале 1930-х гг.: «Иногда раздаются голоса: да нужен ли, вообще, современному читателю этот мир сказочных образов и сказочной фантастики. Нужны ли и интересны все эти рассказы об Иванах-царевичах и Василиях — купеческих сыновьях — их подвигах и удачах, кончающихся неизменной женитьбой и добыванием царства»²⁹.

Работы по изучению и собиранию сказки после революции не прекращались, но в основном в рамках старых, дореволюционных еще, научных школ. Однако по мере того как укреплялась государственная система в стране, соответственно возрастала необходимость усиления идеологической работы, которую теперь было надо поднять на новый уровень, стал заметен возврат ко многим традиционным ценностям, без которых невозможно, наверное, было достичь стабильности в стране и спокойствия в народе. Одним из таких незыблемых начал стала русская сказка.

С конца 1930-х гг. начинается взлет интереса и внимания к русской сказке, хорошо продуманный и поддерживаемый правительством. Ее воспитательное значение в жизни народа было оценено по достоинству и широко использовано. Она начинает новую жизнь. Во-первых, массово обретает печатный вид, а значит, теряет свою гибкость и изменчивость. Русские сказки печатались в советское время огромными тиражами, их иллюстрировали лучшие художники страны, многие издания стали подлинными художественными шедеврами. Их «причесывают» и «приглаживают» — убирают разговорные, устаревшие и местные слова и фразы, язык сказок осовременивается и становится гладким и понятным всем. Убирают грубости, жесткости и «страшилки», мертвецов, черепов, костей и съеденных людей становится совсем немного. В сказки,

изложенные для детей, вводится логика и связь между событиями, от чего сказка много теряет, именно в абсурдности и нелогичности часто скрывается подлинное очарование народной сказки.

Во-вторых, появляется новый вид искусства — самый массовый — кино. Сказку начинают экранизировать. Теперь уже не только сюжеты становятся статичными, но и персонажи приобретают конкретные формы. Баба-яга — лицо артиста Г. Миллера, богатырь — осанку С. Столярова, Иванушка-дурачок — повадки О. Даля, царь — веселость М. Пуговкина и т. д. Каждое время давало свои лица, но простора фантазии, которая столь важна в сказке, оставалось все меньше. Позже сказки стали рисовать для экрана, появились мультипликации.

При всех тех потерях, которые понесли сказки как жанр, обретя «официальное» лицо, надо отметить, что в целом в советское время сказки укрепили свои позиции в русском обществе. Книги, фильмы и мультипликации были неизбежны в новых исторических условиях, а главное, в новом информационном окружении. Сказка не только выжила, но и обрела новую, очень большую популярность. Она наглядно продемонстрировала свою живучесть и способность приспосабливаться к изменившимся условиям: стало понятно, как она смогла выжить и сохранить свое влияние на протяжении веков.

Так же как книги готовили лучшие мастера своего дела, так фильмы и мультипликации делались очень профессионально, на высоком уровне. Актерский состав подбирался сильный, самые известные актеры своего времени с уважением относились к такому благородному делу, как воспитание подрастающего поколения. В результате получались прекрасные художественные произведения на основе старых сказочных сюжетов, которые с удовольствием смотрели не только дети, но и их родители, бабушки и дедушки.

Конечно, цари в таких фильмах часто сильно оглуплялись и становились злыми, а бедность героя особо подчеркивалась, в сюжет вводились классовые конфликты, которые практически отсутствуют в традиционной сказке, но это все не слишком затемняло главное. Идеи и идеалы сохранялись вполне традиционные — не в деньгах счастье, помощи ближнему, и тебе помогут, любовь и верность вознаграждаются, семейное счастье важнее любого богатства и т. д. И на них продолжали воспитываться поколения советских детей. Таким образом, сказка продолжала оставаться связующим звеном не только между разными социальными группами, но и между совершенно разными историческими эпохами.

И в современное, сложное в идейном плане, время сказка выживает. Конечно, ее позиции сильно пошатнулись под воздействием иностранных фильмов и мультфильмов, из-за конкуренции с компьютерными играми, от снижения интереса к чтению вообще. Но все-таки мамы и бабушки еще помнят прекрасные книги и фильмы, на которых они выросли сами, да и воспитатели в детском саду ничего нового не придумали. Все еще трудно Тому и Джерри в воспитательном плане соперничать с царевной-лягушкой. Характерен диалог между продавцом в магазине видеофильмов и состоятельной дамой, подъехавшей на большом джипе к магазину: «У вас детские фильмы есть?» — «Вот, целая полка». После беглого взгляда: «Да нет, мне нужны старые, советские сказки». — «Что вы, их сразу разбирают!» Можно надеяться, что начинается возрождение интереса к традиционным сказкам и после очередного периода отрицания они займут свое место в жизни России.

Первые публикации сказок появились еще в XVIII в. Это были в основном случайные сборники отдельных сказок, часто «доработанные» автором-составителем. Печатали их для развлечения публики, на волне общего интереса к печатной светской книге, завоевывавшей книжный рынок в России. Наиболее известные среди них — «Пересмешник, или Словенские сказки» М. Д. Чулкова (ч. 1–4. М., 1766–1784), «Русские сказки» В. А. Левшина (1780–1783), «Сказки русские» П. Т. Тимофеева (1787). Баловалась сочинением-пересказом сказок и императрица Екатерина II, написавшая для своего внука Александра (будущего императора Александра I) аллегорическую «Сказку о царевиче Хлоре».

Начало научному собиранию и изданию русских народных сказок положил Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871). Родился и вырос будущий ученый в Воронежской губернии в семье мелкого судейского чиновника. Отец его большое значение придавал образованию детей и не жалел на это своих скудных средств. Александр, всю жизнь уважавший отца, старался оправдать возложенные на него надежды. Все, кто знал его в юности и потом, в зрелые годы, отмечали его исключительные работоспособность и усердие.

Образование его было вполне традиционным для своего времени: какое-то время он посещал частные уроки «двух отцов Иванов», затем учился дома, потом в Воронежской гимназии. Но главным для него было чтение. В отцовском доме находилась обширная дедовская библиотека, и книги стали для Афанасьева главным источником знания и радости. Уже в юные годы он проявлял задатки будущего ученого. Его брат вспоминал, что книги были «обильным источником для утоления его страсти к чтению, которому он посвящал все свое время, уделяя для отдыха лишь непродолжительные

вечерние часы да какой-нибудь час после обеда. Чтением занимался он, очевидно, не ради простого только развлечения или приятного препровождения времени, потому что всегда имел при себе бумагу и карандаш и аккуратно записывал свои заметки, и все такие записи тщательно оберегал»³⁰.

Любовь к книге Афанасьев пронес через всю жизнь. Поступив в университет, он умудрялся выкраивать деньги из своего очень скромного содержания на покупку книг и в конце концов стал обладателем уникальной библиотеки. К сожалению, в какой-то момент жизни, оказавшись без работы и средств, он был вынужден продать ее за бесценок.

В воспоминаниях Афанасьева о его детстве есть упоминание и о сказках, которые он любил слушать: «Чтение это, — вспоминал Александр Николаевич, — сменило для меня сказки, которые, бывало, с таким же наслаждением и трепетом слушал я прежде, зимой по вечерам, в углу темной комнаты, от какой-нибудь дворовой женщины»³¹.

В 1844 г. А. Н. Афанасьев поступает в Московский университет на юридический факультет. После окончания поступает на службу в Московский Главный архив министерства иностранных дел. Одновременно с этим он занимается научной работой, публикуются его исследования по русской истории, славянской мифологии, сравнительной фольклористике. Научной работой Афанасьев занимался всю жизнь, несмотря на огромные материальные трудности, которые он испытывал последние 10 лет. Исследователи его жизни и творчества так и не пришли к единому мнению, почему этот серьезный ученый и, судя по воспоминаниям современников, очень ответственный человек потерял работу и был вынужден бедствовать. Но факт остается фактом — последние годы жизни Афанасьев провел в бедности, не прекращая при этом научной работы. Умер он рано, от чахотки, в 45 лет.

Главным делом жизни Афанасьева стало издание русских народных сказок. В этот период в России был вообще подъем интереса ко всему народному — языку, традициям, фольклору. Собираением и изданием народных песен, легенд, пословиц, поговорок, сказок занимались и многие другие ученые — В. И. Даль, П. В. Киреевский, П. И. Якушкин. Афанасьев использовал и европейский опыт, прежде всего, конечно, немецких ученых братьев Гримм, с которыми он состоял в переписке.

С 1855 по 1863 г. Афанасьевым было издано 8 сборников, включивших в себя свыше 550 текстов. Печатали их по мере поступления, позже систематизировали в соответствии с предложенной им классификацией. Это новое издание вышло уже после смерти ученого, и именно оно стало основой для всех дальнейших переизданий.

В основу собрания Афанасьева легли немногочисленные записи сказок, сделанные им на родине в Воронежской губернии. Вообще же Афанасьев был, скорее, «кабинетным»

типом ученого и «собирал» свои сказки в основном не выходя из дома. Обширное собрание текстов ему удалось получить от Русского географического общества, которое с 1847 г. вело работу по сбору сказок от местных собирателей в разных губерниях (223 текста). Часть была извлечена из имевшихся к этому моменту печатных изданий. Более 1000 текстов ему передал составитель первого «Толкового словаря русского языка» В. И. Даль. После выхода первых сборников к Афанасьеву стали стекаться сказки из разных источников, прежде всего от любителей фольклора на местах.

В сборнике представлены русские (из более чем 30 губерний), украинские и белорусские тексты. В отличие от братьев Гримм, Афанасьев не подвергал тексты литературной обработке. Он также публиковал варианты сказочных текстов, снабжал их этнографическим и филологическим комментарием, по мере возможности проводил аналогии со сказками народов мира.

Особое внимание он уделял сохранению народного стиля сказки. В рецензии на один из вышедших в то же время сказочных сборников он обратил внимание, что героиня называет своего отца-царя «папашею». «Пора бы собирателям поэтических созданий народа, — писал Афанасьев, — обращаться не к дворовой челяди, а к настоящим, истым поселянам, которые, не мудрствуя лукаво, сберегли предание в несравненно большей свежести»³². Сам он старался сохранить текст оригинала, подвергая его лишь незначительной правке.

Реакция на публикацию сказок была не однозначна. Безусловно, публика и исследователи по заслугам оценили труд Афанасьева. Хвалебные отзывы раздавались отовсюду, включая европейские страны. Русские сказки, изданные Афанасьевым, переводили на разные языки. Его издание сразу стало классическим, на которое ориентировались все последующие исследователи фольклора.

Не обошлось и без критики. Одним из спорных моментов, который не решился и в последующих трудах фольклористов, был вопрос о том, какие тексты печатать. Одни считали, что надо печатать как можно больше вариантов, жестко придерживаясь языка и стиля каждого рассказчика. Другие настаивали на том, что надо отбрасывать все личностное и составлять некий единый сводный текст сказки. Афанасьев, как показали исследования его сборников, придерживался некоей середины. С одной стороны, он печатал разные варианты одной сказки, с другой стороны, очевидно, что некоторые изменения он в текст все-таки вносил. Архив ученого не сохранился, так что судить обо всем этом довольно трудно.

Критические замечания высказывались и по поводу способов собирания сказок. Как уже отмечалось, Афанасьев пользовался в основном чужими собраниями. А значит,

полностью отсутствовала информация о личности сказочника, времени и местности, где рассказывалась сказка. Все последующие исследователи учитывали этот недостаток. Много выдающихся собирателей, энтузиастов своего дела занимались сбором и публикацией сказок: И. А. Худяков, Н. Е. Онучков, Д. К. Зеленин, Б. М. и Ю. М. Соколовы, М. К. Азадовский, А. И. Никифоров, И. В. Карнаухова и другие. В советское время собирание велось по двум направлениям: некоторые ученые записывали сказки выдающихся исполнителей, другие вели так называемую «фронтальную» запись — записывали все сказки в той или иной местности. На сегодняшний день опубликовано примерно 4200 русских сказочных текстов (вместе с вариантами)³³.

Сборник сказок Афанасьева подвергался критике на протяжении всей истории своего существования. Все более или менее серьезные исследователи отмечали различные его недостатки. Многие из них были преодолены в последующих собраниях и публикациях. Однако по сей день, 150 лет спустя, именно афанасьевский сборник народных сказок используется как базовый материал для всех исследований. Столь полной и всеобъемлющей публикации больше не было. Все остальные издания в основном публиковали сказки отдельных регионов и лишь дополняли издание Афанасьева.

Афанасьев составил и базовую классификацию сказок. Ее потом много раз переделывали, соединяя и разделяя различные подгруппы, но в основном она осталась прежней. Все сказки принято делить на:

- 1) сказки о животных,
- 2) волшебные,
- 3) бытовые.

Безусловно, эта квалификация носит условный характер, в нее часто добавляют еще новеллистические, сатирические, легендарные сказки и анекдоты. Однако эти три основные группы более или менее вмещают все жанровое разнообразие русских сказок.

В сказках о животных главными действующими лицами, естественно, являются дикие и домашние животные. Самые распространенные персонажи русских сказок: хитрая лиса, глупый волк, трусливый заяц, медведь-увалях и грубиян, из домашних — кот, собака, петух, коза. Эти сказки давно стали достоянием преимущественно детской аудитории.

Волшебные сказки самые древние. Собственно, именно их и принято традиционно называть сказками. В них всегда присутствуют чудеса и какие-то необыкновенные события. Они лучше других отражают базовые народные идеи и идеалы, и именно на них основывается изучение особенностей национального характера.

Наконец, бытовые сказки самые поздние. Их герой, как правило, простой мужик. Часто ничего сверхъестественного в них не происходит, и даже черти, если они есть, ведут себя как обыкновенные, хотя и не очень приятные, участники реальных событий. Эти истории носят явно поучительный и назидательный характер, во многих случаях — сатирический или юмористический. В таких сказках отражается много реалий повседневной жизни, высмеиваются пороки, отражаются проблемы трудовой и семейной жизни. Они интересны для историков и бытописателей, основная их часть относится к XVIII–XIX вв.

Отражение особенностей русского характера в народных сказках

В центре внимания любой сказки находится герой. Именно вокруг него происходят разные события, ему помогают или мешают остальные персонажи, он теряет и находит, а в конце добивается счастья. У каждого народа свои любимые герои. Они часто воплощают не столько лучшие качества народа, сколько идеалы, бытующие в нем. Подлинные герои европейских сказок связаны с такими понятиями, как сила, смелость, победа в сражениях, физическая красота.

Любимым героем русской народной сказки является Иван-дурак. Имена, впрочем, могут быть и другие. Внешне неприметный, совершающий на первый взгляд глупые и ненужные поступки, не стремящийся ни к богатству, ни к славе, он в конце сказки получает в награду прекрасную царевну, а иногда и полцарства в придачу. Европейские сказки тоже любят образ дурака, но в них он позволяет высмеять недостатки народа, он так и остается до конца дураком, совершающим дурацкие поступки. Такие сказки-шутки в России тоже есть. Но Иван-дурак — это совсем другое дело. Он именно герой народной сказки и победитель своих врагов.

В знаменитой сказке про Сивко-бурко у отца было три сына. Младший, Иван-дурак, «ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался». Перед смертью старик попросил своих сыновей каждого по три ночи провести на его могиле. Два старших вместо себя послали дурака. Он и получил от покойного отца щедрый подарок — прекрасного коня по кличке Сивко-бурко. С его помощью Иван смог достать до высокого окна царевны и поцеловать ее (по другой версии — получает от нее перстень или платок). Заканчивается сказка пиром, на котором царевна пытается найти своего суженого. Приходит и Иван-дурак. Вот как сказка описывает своего героя: «...платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом». Увидев его, «царевна обрадовалась, берет его за руку,

ведет к отцу и говорит: “Батюшка! Вот мой суженый”. Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: “Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены”. Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван — царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать!»

За что же награждается Иван-дурак в этой сказке? Прежде всего, конечно, за то, что остался верен слову, данному отцу. Поленились его братья ночью идти на могилу — темно и страшно. С точки зрения здравого смысла они правы. Отцу уже все равно не поможешь, зачем же мучиться. Но для Ивана заветы отца важнее здравого смысла, и поэтому он «дурак».

Сила Ивана-дурака — и в этом также выразился своеобразный народный идеал — в простоте, искренности, отсутствии меркантильности и прагматизма. В то же время его старшие братья — умницы и прагматики — как раз и оказываются в дураках. Отсутствие практицизма это одновременно и отсутствие жадности, стяжательства.

Воруется кто-то репу на огороде. Остается Ванька караулить вора. Видит, ночью мальчик еле-еле тащит огромный мешок, надрывается. Попросил мальчик помочь ему донести мешок до дома, Ванька и помог. Ну не дурак ли? Потом он отказался от предложенного золота и серебра, а взял гусли-самогуды. Ну и, конечно, закончилось все царевной и «жизнью припеваючи».

Важной чертой Ивана-дурака является сострадание, он помогает всем, кто просит о помощи, даже если это и идет на первый взгляд во вред ему самому. Он отдает голодной зайчихе последний ломоть хлеба — поступок бессмысленный с точки зрения здравого смысла, а в трудный момент именно она приносит ему яйцо, в котором Кашеева смерть. Или накрывает птенцов от дождя своим платишком и мерзнет сам, а за это гигантская птица помогает ему вернуться домой. Так милосердие награждается. Умные братья употребляют свой ум в личных интересах — и наказываются.

Жалостливость и незлобивость дурака идут на пользу и самим братьям. В конце сказки герой часто прощает им все их козни, братья все-таки! У него нет чувства мстительности. Ему хорошо, так пусть и другим, даже злым братьям, будет тоже хорошо.

Жалостливость — одно из любимых свойств русской природы. Проявляется она в самых разных областях. Вот, например, первые русские святые — Борис и Глеб, не борцы за веру, а невинно убиенные жертвы, страдальцы (и тоже ведь не за веру). К числу их достоинств летописцы относят молодость, незлобивость, чувствительность, доброту, сердечность. Оба они отказываются бороться с неумолимо надвигающимся на них злом, отвечать насилием на насилие. И оба погибают без сопротивления от рук посланных к

ним убийц. Для того времени и для их положения младших наследников престола в их убийстве старшим братом в борьбе за власть нет ничего необычного. Святость их только в том, что они стали невинными жертвами и не сопротивлялись злу.

А царевич Димитрий, сын Ивана Грозного, напорившийся неосторожно на ножичек в юном возрасте? Он вообще никак не успел себя проявить (по некоторым данным, был еще и скверного жестокого характера и ножечки любил не случайно, но это, возможно, клевета). Но и его канонизировали и почитают в русском народе как святого: за невинность жертвы, за погубленную молодость, да еще и за такую бессмысленную, с народной точки зрения, вещь, как власть.

Еще одним важным качеством русского героя является скромность. Он не выскочка, не болтун, не хвастунишка. Да и такой ли он дурак, если разобраться? Он ничего не рассказывает братьям о Сивке-бурке, о поцелуе царевны, уж они бы не удержались и похвастались. А если бы узнали о его похождениях, могли бы и помешать. Никто не воспринимает Ивана-дурака всерьез, и в этом тоже его сила.

В сказке про мудрую жену сын-дурак купил на отцово наследство кошку и собаку, поселился в шалаше и был счастлив. Питался тем, что приносила собака, ничего не требовал от жизни — есть, где спать и что есть, вот и слава Богу! Получил как-то за свою кошку три бочонка золота. До этого момента сюжет международный, известен в разных странах. А вот далее начинается его славянская разновидность. Два бочонка дурак раздал нищим («Экая пропасть золота! Куда мне с ним?»), а на третий накопил ладану и зажег его в поле. В результате ангел обещал исполнить любое его желание. Послушался дурак совета, который ему дали мужики, работавшие в поле, и пожелал мудрую жену. И не ошибся. Стал-таки в конце, с помощью жениной мудрости, царем. Вот вам и дурак! Жил просто, ничего не требовал, корысти не имел, совета послушался, т. е. все сделал правильно.

Наконец, особое значение имеет внешность героя: она обычно подчеркнута простая, неказистая, герой физически непривлекателен. В сказке «...меньшой, Ванюша, — как недоросточек, как зашипанный утенок, гораздо поплоче» своих старших братьев. Он сидит на печи, сморкается. Он вымазан сажей. Потому что это с точки зрения народного идеала не так и важно. Уже упоминавшееся популярное высказывание гласит: «Полюбите нас грязненькими, а чистенькими нас каждый полюбит». Старшие братья заботятся о своей внешности: «...старшие знай себе коней объезжают, кудри завивают, фабрятся, бодрятся родимые...» С точки зрения народного сознания сразу становится очевидно, что ничего хорошего от таких не жди.

Так, в сказках отразились народные идеалы, представления о добре и зле, о том, что важно для человека, а что второстепенно. Как мы видим, герой русской сказки — на первый взгляд незаметный, слабый, глупый, даже жалкий. Но в конце он победитель всех сильных и красивых, получает и принцессу и иногда сундук с добром или полцарства. В образе Ивана-дурака нашли отражение наиболее ценимые в народе качества — сострадание, готовность помочь ближнему не ради выгоды, а от души, незлобивость, верность слову, скромность. Главные же недостатки воплощены в людях практических, представляющих противоположность герою, таких, например, как его братья. Это жадность, равнодушие, болтливость, бессердечное отношение к ближнему, да и вообще ко всему живому.

В русской культуре мы находим немало других подтверждений тому, что в народе особенно ценились все эти качества. И что «ум» нередко становился синонимом прагматичности, хвастовства, болтливости, отсутствия духовности. Например, особенное почитание юродивых, ставивших духовное начало выше материального и добровольно отказывавшихся от «ума». Или вспомним иронию грибоедовской комедии «Горе от ума», в которой гораздо более умный, чем окружающие его люди, герой очень много говорит, особенно о себе, а его «ум» в конце концов приносит всем только горе.

Героиня русской сказки — мудрая, работающая, верная, скромная. Она часто спасает героя, выручая его в самых сложных ситуациях, дает ему советы, выполняет за него сложную работу. Как правило, она наделена еще и волшебными свойствами и умеет творить чудеса.

Здесь опять-таки речь идет не об уме, а именно о мудрости. Интересное различие в этих двух понятиях находим в словаре В. И. Даля. «Ум» у него — это «общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его, а другая — нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти...» То есть ум — это неплохо, но только, когда он, как в известной поговорке, с сердцем или нравственностью «в ладу». «Мудрый» же, согласно словарю, — «основанный на добре и истине; праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный». Это гораздо глубже и всеобъемлюще, чем ум, качество, вне всякого сомнения, положительное, без всяких оговорок. В русских сказках мы встречаем Василису Премудрую, Елену Премудрую, мудрую деву и других, не имеющих этого эпитета, но поступающих именно в соответствии с вышеприведенным определением.

Герой может совершить глупость (например, сжечь лягушачью шкуру, хотя его просили этого не делать, уничтожить перышки) и тем навлечь на голову героини страшные беды. Или предать, как Финист — ясный сокол, который улетел, забыл про

свою любимую и женился на другой. Но героиня все прощает ему и хранит верность до конца. Более того, часто знакомство героев начинается с какого-нибудь не слишком красивого поступка героя, как, например, кража.

«Любовь» героев в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» начинается с того, что царевич крадет сорочку, которую девушка скинула во время купания. Она умоляет его вернуть украденное, обещая пригодиться. И держит крепко свое слово: выполняет тайком все приказания морского царя — строит хрустальный мост, сажает за одну ночь сад. Когда же встает вопрос о женитьбе, сама подсказывает царевичу, как ее найти, и выходит за него замуж. Более того, она помогает герою бежать домой, хотя и знает, что он забудет ее на родине.

Конечно, в сказках идеи приобретают утрированные формы, чтобы донести идею до слушателя во всей полноте. Но очевидно, что в героине такой сказки главным является верность, преданность, терпение, смирение.

Нередко герой изображается совсем уж никудышным, чтобы подчеркнуть достоинства героини. Он и бедный, и дурак, и невезучий, да еще часто непослушный. Она — красивая, умная и богатая. Но вот ведь парадокс: кроме него ей никто не нужен. Интересен с этой точки зрения цикл сказок об Иване Несчастном. У героя ничего не получается, во всем невезение, он ничего не может путного сделать или совершить. Приходит он к царю за советом, как же ему быть. Увидела его царская дочка и говорит: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему Господь пошлет иную долю». И вышла замуж (в других вариантах героиня — купеческая дочь, отказывающаяся богатому жениху ради никчемного Ивана). Даже намек в сказках на какие-либо корыстные мотивы в любви нет и быть не может. А дальше волшебством и мастерством героиня начинает строить семейное благополучие. Да и Иван меняется, начинает проявлять храбрость и смекалку, побеждает змея, в другом варианте — хитрых купцов. Впрочем, это происходит не всегда, т. к. это не столь важно. В конце сказки герой, вернувшись домой, застаёт жену в постели с двумя добрыми молодцами и поднимает меч, чтобы убить их. Но в последний момент, вспомнив добрые советы, останавливается (поумнел все-таки!) и выясняет, что это два его сына, родившиеся в его отсутствие. Такие сказки не дают никаких объяснений, за что героиня любит героя, но показывают ее прозорливость и опять-таки мудрость: кончается-то все тем, что герои живут долго и счастливо до конца своих дней.

Героини прощают даже измену героя. Это герой может себе позволить обидеться и уйти, героиня уходит, только если ее вынуждает к этому злое волшебство. В популярной в России и очень древней по происхождению сказке о Финисте — ясном соколе злые

сестры, заподозрив, что к их младшей сестре прилетает Финист, натыкали острых ножей на окно. Финист прилетел, порезался, обиделся и улетел навсегда. Кстати, плохие сестры, как и братья Ивана-дурака, тоже плохи тем, что себя любят, красуются, о нарядах и женихах думают, что, казалось бы, естественно для молодых девушек, но осуждается, противопоставляясь хорошей младшей, которая озадачила отца поисками странного перышка Финиста — ясна сокола. Не только не обидевшись, но как бы даже ощущая свою вину за потерю любимого, отравляется героиня на его поиски. Уж что только девушка бедная ни делала — три пары железных башмаков износила, три железных посоха изломала, к бабам-ягам ходила, на работу устраивалась. И все это для того, чтобы обнаружить, что ее возлюбленный уже спокойно женился на другой. С большим трудом, хитростью и волшебством, вернула героиня себе своего Финиста, а потом они, как и положено, зажили счастливо.

При всех таких замечательных достоинствах героиня никогда не выпячивает своих заслуг, всегда остается в тени героя. Она только его помощница и покорна ему, принимая его таким, какой он есть. Если даже героиня видит, что герой совершает неразумные поступки, но не может остановить его, она, смирившись, следует за ним, а потом помогает ему выпутаться. Но чаще всего герой слушает свою разумную жену, даже если и не понимает ее поступков, а ее советы идут вразрез со здравым смыслом. Он как бы признает, что ей дано предвидеть больше, чем ему.

Судьбы героя и героини тесно переплетены друг с другом. Только вместе они способны строить счастливую жизнь. Со встречи с героиней начинается возвышение, просветление, вразумление (если он «дурак») героя, с ней, как правило, связаны и испытания, через которые он должен пройти. Но и героиня без своего героя ничто — лягушка лягушкой или прекрасная птица. Ее женское начало, разум, даже волшебные свойства нередко раскрываются только от необходимости бороться за героя и счастье.

В русской сказке «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» Федот стрелец ранил птицу, но, вняв ее просьбе, не убил, а принес домой. Оказалась она красавицей-царевной, на которой он женился. Федот во всем слушается жены — говорит: возьми денег в долг, берет, говорит: купи шелку, покупает. Жена же при этом — все для мужа, для семьи, своей красотой и царским званием совсем не гордится, жалеет его по-бабьи, что трудится много, устает, а живут в бедности. С помощью волшебства решила она его от работы избавить (видимо, чтобы он вместо работы дома на печи лежал), соткала прекрасный ковер. Из-за этого влюбился в нее царь, отправил Федота «туда — не знаю куда», а сам к красавице свататься. Но она верна мужу, не соглашается. Интересно, что самого Федота никто и в грош не ставит. Баба-яга говорит: «Сам-то он простой

человек, извести его нетрудно бы — все равно, что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра». А он между тем и Шмата-разума добротой на свою сторону переманивает, и купцов обманывает, и богатство для семьи добывает.

Героини русских сказок бывают иногда очень красивыми и получают прозвание Прекрасная. Но чаще всего о внешности героини просто ничего не упоминается, так как это дело второстепенное. Главное достоинство героини западноевропейских сказок, как правило, красота. Она может быть глупой, вредной, жестокой, но ей все прощается, потому что она прекрасна. Кстати, умные женщины в таких сказках обычно воплощают злое начало, вредят героине и нередко стремятся к тому, чтобы лишить ее главного достоинства — красоты.

В русских сказках красавицы прекрасны подчеркнуто сказочной красотой — «ни в сказке сказать, ни пером описать», говорят про них. Ну кто в самом деле в обычной повседневной жизни будет радоваться звезде во лбу или месяцу под косой. Их красота — это своего рода лягушачья кожа или птичьи перышки, нужна только в первый момент встречи, чтобы привлечь внимание героя, завязать знакомство. Красота важна в европейский рыцарской культуре любовного поклонения женщине как невесте или любовнице. В русском же сознании, в сказке женщина прежде всего жена и мать, пусть даже будущая и потенциальная, хозяйка дома, работница, тут важнее совсем иные качества, а не внешняя красота.

С героем и героиней связана центральная для русских сказок тема — семейная жизнь. В начале сказки герой, как правило, покидает семью, в конце, после испытаний и странствий, возвращается с молодой женой или же, если некуда вернуться, создает новую. Именно создание семьи является высшей наградой герою, добрая жена становится венцом его испытаний и подвигов. Очевидно, что это отражает то особое место, которое семья занимала в русском мире в целом. Почти по-сказочному звучит «Домострой», книга, написанная в XVI в., когда говорит о счастье семейной жизни: «Если подарит кому-то Бог жену хорошую — дороже это камня многоценного. Такой жены и при пущей выгоде грех лишиться: наладит мужу своему благополучную жизнь. Собрав шерсть и лен, все, что нужно, исполнит руками своими, будет словно корабль торговый: отовсюду вбирает в себя все богатства. И встанет средь ночи, и даст пищу дому и дело служанкам. От плодов своих рук преумножит богатство. Препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело. И чад своих поучает, как и служанок, и не гаснет светильник ее всю ночь: руки свои простирает на труд, утверждает персты на веретене. Милость свою обращает на убогого, и плоды трудов подает нищим — не беспокоится о доме своем ее муж: самые разные одежды нарядные приготовит и мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И

потому, когда муж ее будет в собрании вельмож или воссядет со знакомыми, которые всегда почитают его, он, мудро беседуя, знает, как поступать хорошо, ибо никто без труда не увенчан. Доброй женою блажен и муж, и число дней его жизни удвоится — добрая жена радуется мужа своего и наполнит миром лета его: хорошая жена — благая награда тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословлена Богом, а во-вторых, хвалят ее и люди. Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая — венец своему мужу, если обрел муж такую жену хорошую — только благо выносит из дома своего. Благословен и муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире»³⁴.

Основа семейного счастья в сказках — судьба, суженость. Не любовь и страсть, а предназначение имеет решающее значение при выборе пары. Да и выбора как такового чаще всего нет. Сказка сознательно, вплоть до абсурда, избегает хоть каких-либо объяснений на тему — почему полюбили. Крадет стрелец у Марьи-царевны Премудрой крылышки. Она обнаруживает пропажу и зовет: «Коль стар человек — будь мне батюшка, а старушка — будь мне матушка; коли млад человек — будь сердечный друг, а красная девица — будь родная сестра!» Вот начало любви, прошедшей потом через трудные испытания.

Еще с большей остротой проявляется тема предназначения в семейном счастье в сказке «Царевна-лягушка». Она же показывает, что покорна судьбе не только героиня, но и герой. Все знают начало сказки. Было у царя три сына. Пришла им пора жениться, дал им отец по стреле и велел натянуть луки. Кто найдет их стрелу, на той и женятся. То есть здесь выбор определяется судьбой, независимо от их желаний, для всех троих сыновей. Двум старшим повезло — им достались генеральская и купеческая дочки. А младший пустил свою стрелу в болото (в некоторых вариантах еще и «грязное», чтобы усилить неприятное чувство), и нашла ее лягушка. Глупость, казалось бы, ошибка, но герой увидел в этом перст судьбы: «Иван-царевич призадумался, заплакал: “Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!” Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу». Далее следует подробность, чтобы никто не сомневался, что лягушка самая что ни на есть обыкновенная: «Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде».

Сказка долго держит слушателя в напряжении — Иван живет с лягушкой, а девушкой она оборачивается и чудеса творит, только когда он спит. И только случайно он узнает о ее волшебных свойствах, сжигает кожу и навлекает на обоих несчастье. Теперь ему предстоит вернуть свою суженую, доказать, что он ее достоин. Мораль проста: ты

полюби лягушку, поживи с ней, храни ей верность, а там, глядишь, она и станет царевной, хотя бы для тебя.

Европейскую Золушку принц полюбил в облике прекрасной принцессы в роскошном платье и, как честный человек, женился на ней, хотя она и оказалась не той, за кого себя выдавала, всего лишь жалкой дочерью лесничего. В русских сказках ситуация обратная: герой женится на лягушке, убогом существе, а она потом превращается в прекрасную царевну. Сначала жалость к несчастному существу, потом немного терпения и красавица-жена, да еще и с приданым. Во всяком случае, в сказке. Многие верят и терпеливо ждут. Терпение также относится к числу качеств, любимых и ценимых русским народом, недаром поговорка говорит: «Стерпится — слюбится».

Кстати, существует французская сказка «Жених-жаба». Сюжет похож, но акценты расставлены совсем по-другому. Начать с того, что сама идея — решающий выбор за девушкой, она решается выйти замуж за жабу — уже как-то меняет ситуацию. Но и выбор здесь обусловлен исключительно дочерней любовью: жаба отказывается отпустить ее отца, пока девушка не согласится на брак. У жабы немедленно обнаруживается богатый замок, и в первую же брачную ночь она оказывается прекрасным принцем.

Женитьба и семья преображают неказистого в начале героя русских сказок. В одном из вариантов сказки «Сивко-бурко» Иван-дурак целует Елену Прекрасную, обернувшись прекрасным молодцом. Интересно, что потом, на пиру, он устраивает ей своеобразное испытание: «То, — говорит, — я полюбился ей молодцом, теперь она полюби меня в кафтане простом». Елена, конечно, и в простом облике узнала своего нареченного, а потом происходит своего рода «обыкновенное чудо». Вот как трогательно в своей наивной гордости за героя рассказывает об этом сказка: «...скоро с ним обвенчалась; а он-то, Боже мой, какой стал умный да смелый, а какой красавец!.. Сядет, бывало, на коня-летуна, сдвинет шапочку, подбоченится — король, настоящий король! Вглядишься — и не подумаешь, что был когда-то Ванюша».

Есть в сказках и другие замечательные персонажи. Добрые, которые помогают героям, и злые, которые мешают их счастью. Среди помощников часто оказываются спасенные героями животные и даже неодушевленные предметы, а также таинственные старики и старушки, которые помогают в благодарность за полученную краюху хлеба, а еще чаще — за доброе ласковое слово. Злодеи тоже совсем непростые — Кощей Бессмертный, который оказывается смертен, Змей Горыныч, чьи головы надо отрубить все сразу, а то они отрастают заново, морской царь, заманивающий всех к себе под воду. Кощей хочет непременно жениться на героине, для чего и крадет ее, Змей — уничтожить

всю русскую землю, морской царь — сохранить своих дочерей и утопить как можно больше людей. Но они не могут противостоять силам добра.

Один персонаж стоит особняком и представляет особый интерес. Это — баба-яга, встречающаяся исключительно в славянских сказках. Она, в зависимости от ситуации, может помогать, а может вредить героям.

Английский посланник Дж. Флетчер, посетивший Россию в 1588 г., в своем сочинении отмечал: «...что касается до рассказа о золотой или *яге-бабе* (о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи)... то я убедился, что это пустая басня»³⁵. Здесь показательны два момента: во-первых, указывающий на популярность ее образа, о чем свидетельствует слово «кумир» и упоминание о ней в книгах, видимо иностранных, а во-вторых, сохранявшаяся до того времени (конец XVI в.) вера в ее реальность. Каким-то образом англичанин убедил себя в том, что она выдумка, но ведь верил изначально, а значит, верили в это окружавшие его русские.

Много споров ведется по поводу происхождения и значения ее образа. Кто-то считает ее сторожем потустороннего мира, кто-то — повелительницей всего живого, кто-то — воплощением самой матери-сырой-земли. Есть много загадочного в ее натуре, поведении, внешнем облике, атрибутике.

Например, нет единого мнения по поводу загадочной фразы, которой баба-яга встречает героя: «Русским духом пахнет». Что это за дух такой особый, на который она обращает внимание? В. Пропп считает, что это говорит о том, что к ней пришел живой человек, а она привыкла иметь дело с мертвыми, бестелесными и непахнущими³⁶ (правда, это не объясняет, почему именно русский). Ю. С. Степанов считает, что эта фраза «выставляет ее как чужую, не русскую»³⁷. Он же пишет и о существовании реальных «этнических запахов».

На этот факт обращал внимание еще в середине XIX в. русский этнограф С. В. Максимов. Он писал: «Не только внешняя обстановка, но и потребляемая известным народом пища имеет влияние на его животный, специфический запах. Поражают обоняние свежего человека все азиатские народы, пристрастные к употреблению чеснока и черемши... и всякий носит свой особый запах: китайцы и персияне, киргизы и самоеды — в особенности те, которые усвоили ношение шерстяного и мехового платья. В равной степени влияют и ароматические приправы к блюдам, и пахучесть господствующих растений страны и т. п.»³⁸. Те, кто ездили за границу до начала перестройки, помнят, что возвращавшиеся «оттуда» пахли каким-то особым,

«заграничным» запахом. Сейчас это ощущение несколько притупилось, но не исчезло: приезд в какую-нибудь страну сопровождается определенным набором запахов.

Баба-яга живет в избушке на курьих ножках, летает в ступе, у нее костяная нога и огромные зубы. Она — хранительница огня (в сказке «Василиса Премудрая»), золотых яблок (в сказке «Гуси-лебеди»), множества волшебных предметов (клубочка, показывающего дорогу, богатырского коня и др.), а главное — знания волшебной жизни. Она всегда знает, где найти украденную героиню, как к ней добраться и как ее отвоевать у врагов, которые, кстати, часто являются ее же родственниками. Она своего рода посредник между миром простых людей и иным, сказочным.

Образ бабы-яги хорошо показывает всю глубину, сложность и неоднозначность русских сказок, их психологизм и понимание жизни. Там, где речь идет о необходимости продемонстрировать четкие идеалы, они статичны и условны. Баба-яга — не хорошая или плохая, как, казалось бы, должно быть в сказках, а разная, как в жизни. Найдешь нужные слова, общий язык — будет помощником, а нет — так и съесть может или еще как-нибудь извести. Характерно, что бабу-ягу, в отличие от Кощея или Змея, почти никогда не уничтожают.

Какой же ключик находят к ней герои? Кто-то завоевывает ее доверие лаской, кто-то — беспомощностью ситуации, кто-то — старательным трудом, кто-то — хитростью. Но самый распространенный способ — напомнить ей об обязанностях хозяйки. И здесь также проявляются особенности русской культуры и отношения к жизни. Избушка стоит в лесу, вокруг нет жилья. Путник-герой приходит к ней в дом и сталкивается с ее недоброжелательностью. Особенно раздражает бабу-ягу «русский дух». Но герой не теряется, отвечает ей: «Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай». Законы гостеприимства оказываются святы. Вспомнив о своих обязанностях хозяйки, баба-яга ведет его в баню (не для того ли, чтобы «русский дух» отмыть?), потом кормит-поит, спать укладывает. Строго спрашивает: «Что, добрый м#óлодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» Как будто это важно для нее, серьезный он человек или так, время проводит. Герой рассказывает бабе-яге про свою беду. После этого убивать или есть героя невозможно — хлеб преломили, в доме ее поспал, напомнил ей о том, что она хозяйка. Остается только помогать. В печке баба-яга пытается пожарить только детей малых и неразумных, которые подхода к ней не знают, да и то они все равно от нее сбегают.

В сказках нередко герой отправляется за тридевять земель в тридесятое царство. Иногда оно называется «иное», «небывалое» или как-нибудь еще. Путь к нему долгий и трудный. Отправляется туда герой (реже героиня) либо в поисках утраченной

возлюбленной (возлюбленного), или выполняя задание, или просто «на ловлю счастья» и удачи. Описания этих царств очень разные, добирается до них герой по-разному — через непроходимый лес, по морю или через высокие горы. Но всегда встречается там с чудом. И всегда возвращается домой.

Существует распространенное мнение о том, что русский народ всегда находился в своеобразной культурной изоляции — в силу географических, а иногда и политических причин. И что это стало причиной отсутствия интереса к далеким странам, сосредоточенности на своем узком круге, часто в рамках нескольких окрестных деревень, когда поездка в ближайший город становилась масштабным событием. С одной стороны, действительно русский крестьянин жил внутри замкнутого мира, и дальние путешествия были для него не только не доступны, но и не нужны. Страна сама по себе большая, разнообразная, да еще и постоянно расширявшая границы и осваивавшая новые земли. С другой стороны, представление об отгороженности русского человека от окружавшего его мира, в том числе и далекого, были явно преувеличены. Политика, торговля, паломничество всегда связывали Русь, Россию с другими странами: еще великокняжеские дочери выходили замуж за иностранных монархов, новые рынки искали за тремя морями, а святые места посещали отнюдь не только люди духовного звания. Свидетельств постоянного взаимодействия России и мира множество: они находятся в книгах, в записках путешественников, в заимствованных обрядах и деталях быта, в языке и традициях питания.

Свидетельствуют об этом и сказки. В них описываются бескрайние моря и высокие горы, которых нет ни в средней полосе России, ни на юге, ни во многих других регионах (вместе они существуют практически только на Русском Севере). Но это никого не смущает, они не воспринимаются как экзотика. А вот иные страны действительно несут на себе отпечаток волшебства. Они описываются как прекрасные и непохожие на повседневность. В тридесатом царстве встречаются великолепные дворцы, хрустальные или стеклянные горы, «луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые» (157), прекрасные сады, иногда с золотыми плодами или молодильными яблоками. Дворцы там чаще всего золотые: «А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных каменьев, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся... Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходились лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигаться» (560). Золотой не только дворец, но и колодцы, терема, ограды. Иногда все это алмазное. И живут там часто царь-девицы невиданной красоты. А окружают их олени с золотыми рогами, жар-птицы, утки — золотые перышки.

Представление о других странах как о месте прекрасном и удивительном характерно для русской культуры в целом. Интересно, что в словаре констант русской культуры устанавливается связь между понятиями «чужой», «чуждый» и «чудо», «чудесный»³⁹. Чудо понимается как «явление, не объяснимое естественным порядком вещей», «странное, необычное».

Описание реальных путешествий русских людей в другие страны очень сильно похоже на сказочное. Столь сильно, видимо, было ожидание «чуда» от этих «чужих» земель. Вот выдержки только из некоторых «хожений»:

«И иные многие столпы стоят по городу из мрамора, много на них надписей, от верха до низа резьбою изукрашены. Много удивительного, уму непостижимо». («Странствий Стефана Новгородца», 1348–1349).

«Стояли на два ряда, одеты одни в багряный бархат, другие в вишневый бархат, один ряд имел на груди жемчуг, другие иное украшение. Под хорами находился чертог с 12 ступенями, шириною две сажени, облачен красным червецом, на нем два столпа золотые... Кто сможет передать эту красоту!» («Хожение Игнатия Смольнянина в Царьград», 1389).

«Перед воротами этого монастыря лежит жаба каменная. Эта жаба при царе Льве Премудром по улицам ходила, мусор пожирала, а метлы сами подметали. Встанут утром рано, а улицы чисты» («Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину», 1419–1422).

«И видели мы город чудный, и равнины, и горы небольшие, и сады красивые, и палаты весьма чудные, с позолоченными верхами, и монастыри в городе чудные и мощные. И товара в нем всякого полно. И воды проведены в город по трубам, текут по всем улицам. А ныне воды из фонтанов текут, студёные и вкусные... И видели здесь мудрость недоуменную и несказанную. <...> Среди города этого фонтаны устроены, колонны их из меди, позолоченные, весьма чудесные, трех сажень и выше. И у каждого из фонтанов статуи людей пристроены, тоже из меди. И вытекают из всех этих медных людей воды вкусные и холодные: у одного из рта, у иного из уха, а у другого из глаза, а у иного из локтя, а у иного из ноздрей, вытекают очень прытко, как из бочек. Статуи эти выглядят просто как живые люди. <...> Так высоки эти горы, что облака вдоль них по ущельям ходят и берутся облака от них же. Снега лежат на них от сотворения гор. Летом же в них жара и зной большой, но снег не тает» («Хожение на Флорентийский собор Неизвестного Суздальца», 1437).

«В крепости султана семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-индусов: одни записывают, кто войдет, другие записывают, кто выйдет; чужестранцев в крепость не пускают. Дворец его весьма чудесный, всюду резьба да

золото, и каждый камень резной и золотом расписан причудливо, а во дворце сосуды разные. <...> А Цейлон же есть пристань Индийского моря немалая, а в нем лежит отец Адам на горе высокой. Да около него родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, белые агаты, смола, хрусталь, наждак. И слоны рождаются, а продают их на локоть, да страусов продают на вес. ...В Шабате же родится шелк, скатный жемчуг, простой жемчуг, сандал... В Гуджарате родится индиго и лак, а в Камбае родится сердолик. В Райчуре же родится алмаз» («Хождение за три моря Афанасия Никитина», 1466–1472)⁴⁰.

Трудно отличить в них сказку и реальность, так тесно они переплетаются. И уже описание из сказки выглядит порой более обычным, чем из настоящего путешествия.

Но чудеса в конце концов утомляют. И герои сказок, насладившись удивительной жизнью в далеких странах, начинают тосковать и стремиться домой. А сколько тоски по родине звучит в восклицании Афанасия Никитина, шесть лет странствовавшего по восточным странам: «Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость. О Боже, Боже, Боже, Боже»⁴¹. Порой, чтобы полюбить родные места, надо с ними расстаться. И сказочное путешествие оказывается еще одним испытанием героя — на любовь к родине.

Важно отметить еще одну особенность сказочного действия. В Европе большинство сказок начинается с почина вроде «давным давно» («once upon a time»). В России это, как правило, «в некотором царстве, в некотором государстве...» Следовательно, в Европе сказочный отсыл идет во времени — когда-то, давным давно происходили чудеса и жили странные существа. В России же — это отсыл пространственный. Там где-то, в далеких странах, эта сказочная действительность существует и по сей день. Кто знает? Таким образом, в русском восприятии сказочной действительности, с одной стороны, чудо всегда существует где-то за тридевять земель, с другой — оно реально в пространстве, а не во времени. Значит, может жить и в дне сегодняшнем.

В сказках раскрывается множество отдельных черт характера русского человека и особенностей его внутреннего мира и идеалов.

Однозначным является отношение к богатству. Жадность воспринимается как большой порок. Бедность же является достоинством. Это не значит, что нет мечты о достатке: трудности крестьянской жизни заставляли мечтать о скатерти-самобранке, о печке, в которой «и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть!», о невидимом Шмате-разуме, который стол яствами накрывает, а потом убирает и т. д. И о волшебных замках, которые за один день

сами строятся, и о полцарстве, за невесту полученном, тоже было приятно помечтать долгими зимними вечерами. Но богатство достается героям легко, между делом, когда они о нем и не думают, как дополнительный приз к хорошей невесте или спасенной жене. Стремящиеся к нему как самоцели всегда наказываются и остаются «у разбитого корыта».

Своеобразным представляется отраженное в сказках отношение русского народа к труду. Вот, казалось бы, непонятная с точки зрения идеалов сказка про Емелю-дурака. Лежал он всю жизнь на печи, ничего не делал, да еще и не скрывал причины, отвечал «Я ленюсь!» на все просьбы о помощи. Пошел как-то по воду и поймал волшебную щуку. Продолжение хорошо знакомо всем: щука уговорила его отпустить ее назад в прорубь, а за это обязалась выполнять все желания Емели. И вот «по щучьему веленью, по моему прошенью» сани без лошади везут дурака в город, топор сам дрова рубит, а они в печь складываются, ведра маршируют в дом без посторонней помощи. Мало того, Емеля еще и дочку царскую заполучил, тоже не без вмешательства волшебства. Конец, правда, все-таки обнадеживающий (в детских пересказах его почему-то часто опускают): «Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил: “По щучьему веленью, а по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!” И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись».

Эту сказку часто трактуют как отражение извечной склонности русского человека к лени, безделью. Говорит же она, скорее, о тяжести крестьянского труда, рождавшего желание отдохнуть, заставлявшего мечтать о волшебном помощнике. Да, если тебе повезет и ты поймашь чудо-щуку, можно будет с удовольствием ничего не делать, лежать на теплой печи и думать о царской дочке. Все это, конечно, также нереально для мечтающего об этом мужика, как едущая по улицам печка, и ждет его обычная трудная повседневная работа, но помечтать-то о приятном можно.

Сказка раскрывает и еще одно отличие русской культуры — в ней нет святости понятия труда, того особого трепетного отношения, на грани «труд ради самого труда», которое свойственно, например, Германии или современной Америке. Известно, например, что одной из распространенных проблем у американцев является неумение расслабиться, отвлечься от дела, понять, что ничего не случится, если на неделю уехать в отпуск. Для русского человека такой проблемы нет — отдыхать и веселиться он умеет, а работу воспринимает как неизбежность.

Известный философ И. Ильин считал такую «лень» русского человека частью его творческой, созерцательной натуры. «Созерцанию нас учило прежде всего наше

равнинное пространство, — писал русский мыслитель, — наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая “лень” (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все — от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений»⁴². Пусть нет рвения и возвеличивания труда, зато есть чувство прекрасного, слияние с природой. Это тоже приносит свои плоды — богатое народное искусство, выразившееся в том числе и в сказочном наследии.

Иногда герои награждаются за свое страдание. Эта тема также особо любима русской сказкой. Часто симпатии оказываются на стороне героев (еще чаще — героинь) не в силу их особых качеств или совершаемых ими поступков, а из-за тех жизненных обстоятельств — несчастье, сиротство, бедность, — в которых они оказались. В этом случае спасение приходит извне, ниоткуда, не как результат активных действий героя, а как восстановление справедливости. Такие сказки призваны воспитывать сострадание, сочувствие к ближнему, чувство любви ко всем страждущим. Как тут не вспомнить мысль Ф. М. Достоевского о том, что страдание необходимо для человека, т. к. укрепляет и очищает душу.

Свидетельствуют русские сказки и об особой вере русского человека в значение сказанного слова. Так, существует отдельный цикл из разряда сказок-легенд, в котором весь сюжет завязан на разного рода случайно вырвавшихся проклятиях. Характерно, что известны только русские варианты подобных сказок. В одной из них, например, сын, проклятый матерью еще во чреве, попал в руки к нечистой силе. По очереди все едут его выручать — отец, потом мать, потом жена. Спасает, конечно, жена, не побоявшаяся прыгнуть за ним в прорубь к чертям со словами «Друг мой сердечный, закон неразлучный! Теперь я от тебя не отстану!.. Ты в воду, и я за тобой!» (229). В волшебных сказках также подчеркивается важность произнесенного слова, необходимость держать его: пообещал жениться на той, которая найдет стрелу, — надо выполнять; сдержал слово и ходил на могилу к отцу — будешь награжден; произнесла обещание выйти замуж за того, кто украл крылышки, — выполняй. Этими простыми истинами наполнены сказочные сюжеты.

Слово открывает двери, поворачивает избушку, разрушает чары. Пропетая песенка возвращает память мужу, забывшему и не узнавшему свою жену, козленочек своим четверостишием (кроме него, видимо, он ничего говорить не умеет, иначе бы объяснил, что случилось) спасает сестрицу-Аленушку и себя. Слову верят, без всякого сомнения. «Я

тебе пригожусь», — говорит какой-нибудь зайчик, и герой отпускает его, уверенный (как и читатель), что так и будет.

Еще в русских сказках, как и в русском народе, сильна вера в чудо. Конечно, все волшебные сказки в мире строятся на каких-то необыкновенных событиях. Но нигде чудесное так не довлеет над сюжетом, как в русских. Оно нагромождается, переполняет действие, иногда оно даже и не нужно для развития событий. И в него всегда верят, безоговорочно и без тени сомнения. Невольно возникает параллель с днем сегодняшним. Уже сколько лет дураят русского человека, а все равно он верит и покупается. Другие народы уже поняли бы, что нельзя ездить по супердешевым путевкам в Турцию и Египет или верить в какие-то мифические работы, где за месяц заплатят столько, сколько в другом месте за всю жизнь, а все равно верят — и едут, и обманываются, и возвращаются разочарованными, и опять едут. Россия поистине благодатная почва для мошенников, настолько сильна в народе вера в чудо и в то, что лучшее все-таки возможно.

Наконец, русские сказки удивляют часто отсутствием логики и здравого смысла. Сказочники даже не пытаются связать или объяснить явления. Кажется, что они часто вполне сознательно избегают этого. Потому что все это не нужно, только затемняет внутреннюю мысль и логику повествования. Именно поэтому русские сказки так трудно понять народам с рациональным мышлением. Так же как трудно понять и поступки русского человека (не отсюда ли выход — идея о загадочной русской душе, хоть как-то объясняющая то, что происходит).

Вот типичный диалог (сказка «Летучий корабль»): «Старик спрашивает дурня: “Куда идешь?” — “Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль”. — “Разве ты можешь сделать такой корабль?” — “Нет, не сумею!” — “Так зачем же ты идешь?” — “А Бог его знает!”» (144). За этот замечательный ответ (потому, что он честный?) старик помогает герою добыть царевну. Это вечное странствие «не знаю куда», в поисках «не знаю чего» присуще русским сказкам и русской жизни.

Почему героиня любит никудышного героя? Откуда герой, никогда не покидавший ранее родного дома, знает, какие слова сказать избушке, чтобы она повернулась «к нему передом», а какие — бабе-яге, чтобы она его не съела? Почему купец не удивляется, когда жена просит его купить ей «чудо-чудное, диво-дивное»? Каким образом герой добирается «туда, не знаю куда» и находит «то, не знаю что». Сказки не дают ответа на эти вопросы. Да они не нужны ни слушателю, ни читателю.

Сказки раскрывают все важнейшие стороны русской жизни. Практически все основные темы, которые будут рассмотрены в последующих главах, в той или иной степени затронуты в народном фольклоре. Сказки — неисчерпаемый источник сведений о

национальном характере. Сила их и в том, что они не только раскрывают его, но и создают.

-
- ¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 тт. Т. 13. М.-Л., 1937. С. 120-121.
- ² Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Приложение. М., 2000. С. 315.
- ³ Вопросы философии. 1995. № 6.
- ⁴ Пропп В. Я. Собрание трудов. Русская сказка. М., 2000. С. 9.
- ⁵ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1865 (репринт М., 1994). Т. 1. С. 54.
- ⁶ Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. М.-Л., 1938. С. 221.
- ⁷ Пропп В. Я. Русская сказка. М., 2000. С. 183.
- ⁸ Английские народные сказки / Сост. и пер. Н. Шеришевской. М., 1957. С. 108.
- ⁹ Пересказ и цитирование сказок дается по: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 т. Сер. «Литературные памятники». М., 1984. В скобках указывается номер сказки.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Итальянские сказки цит. по: Итальянские народные сказки в пересказе Н. В. Гессе и З. М. Задунайской. Л., 1959.
- ¹² Интересующиеся могут познакомиться с ней на сайте www.imdb.com
- ¹³ Братья Гримм. Госпожа Метелица. М., 2005. С. 7.
- ¹⁴ Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 40.
- ¹⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. II. М., 2000. С. 280.
- ¹⁶ Там же. С. 281.
- ¹⁷ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII вв.). Л., 1971. С. 12.
- ¹⁸ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 166–167.
- ¹⁹ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 305.
- ²⁰ Цветок папоротника. Сказки русских писателей XVII–XX веков. М., 1990. С. 8.
- ²¹ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 495.
- ²² Азадовский М. К. Русские сказочники // Русская сказка. Избранные мастера. В 2 т. / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. Т. 1. М.-Л., 1932. С. 24.
- ²³ Этнография восточных славян. М., 1987. С. 419.
- ²⁴ Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994. С. 33.
- ²⁵ Пропп В. Я. Русская сказка. М., 2000. С. 389.
- ²⁶ Азадовский М. К. Указ. соч. С. 68.
- ²⁷ Там же. С. 69.
- ²⁸ Там же. С. 29.
- ²⁹ Там же. С. 11.
- ³⁰ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1. М., 1897. С. 379.
- ³¹ Афанасьев А. Н. Народ-художник. М., 1986. С. 262.
- ³² Там же. С. 142.
- ³³ Данные взяты из: Этнография восточных славян. М., 1987. С. 418.
- ³⁴ Домострой. М., 1990. С. 137.
- ³⁵ Флетчер Дж. О русском государстве. М., 2002. С. 113.
- ³⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 47.
- ³⁷ Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 840.

³⁸ Максимов С. В. Куль хлеба. Л., 1987. С. 625.

³⁹ Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 140.

⁴⁰ Книга хождений. Сер. «Сокровища древнерусской литературы». М., 1984. С. 268, 284, 301, 319, 320, 321, 370, 375.

⁴¹ Там же. С. 378.

⁴² Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М., 1992. С. 437.